

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт Африки РАН

Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан

Кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного
образования МГППУ

**ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНО
МОТИВИРОВАННЫХ
ЭКСТРЕМИСТОВ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов научной конференции

30 мая 2023 года, Институт Африки РАН, г. Москва

Москва 2023

Ответственные редакторы:

Гринин Л.Е., д.филол.н., гл. науч. сотр. НИУ ВШЭ, Нефляшева Н.А., к.и.н., доц., ст. науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Следзевский И.В., вед. науч. сотр., д.и.н., проф., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов: возможности и перспективы: сборник материалов научной конференции. 30 мая 2023 года, Институт Африки РАН, г. Москва. – М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2023. – 59 с.

ISBN 978-5-7057-6287-3

В сборнике публикуются материалы конференции «Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов: возможности и перспективы». Авторами рассматриваются основные проблемы реализации программ дерадикализации в мире и в регионах России. Также затрагиваются ресурсы традиционных механизмов и институтов в процессе реализации программ дерадикализации; анализируется роль семьи, гражданского общества и религиозных авторитетов в процессах дерадикализации религиозно мотивированных лиц. Особое внимание уделяется профилактике религиозного экстремизма в молодежной среде; информационному противодействию радикализму и информационной поддержке дерадикализации. Материалы будут полезны политологам, философам, культурологам, социологам, конфликтологам, историкам, руководителям профильных подразделений в органах государственной власти, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-7057-6287-3

© Авторы, 2023

Московская редакция издательства «Учитель»
109202, г. Москва, ул. Басовская, д. 16.
Контактные телефоны: (8442) 42-17-71, 42-04-08.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие5
Бобохонов Р. С. Суфизм и дерадикализация салафитов в Тропической Африке7
Гайворонская А. А., Смирнов А. А. Проблемы противодействия терроризму и экстремизму в цифровой среде10
Двойнин А. М. Структура и психологические механизмы формирования религиозного сознания	12
Денисов А. Е. Организованная этничность и практика проявлений экстремизма и терроризма	15
Кирчанов М. В. Мусульманские интеллектуалы в современной Индонезии как участники (де)радикализации ислама	17
Мосейко А. Н. Использование африканских традиционных институтов и механизмов как «мягкой силы» в дерадикализации религиозно мотивированных конфликтов	19
Мухаметзарипов И. А. Роль этничности и религиозности в процессе радикализации на примере кейсов в Татарстане	21
Нефляшева Н. А. Программа дерадикализации «Операция безопасный коридор» в Нигерии: позиции современных африканских ученых	23
Патеев Р. Ф. О некоторых проблемах в подходах к дерадикализации (опыт Центра исламоведческих исследований АН РТ)	25
Полосин В. С. Механизмы политизации и деполитизации религии	27
Романцова В. К. К проблеме средств оценки психологических особенностей подростков, склонных к участию в деструктивных сообществах	34
Седых Н. С. Методы исламской педагогики в профилактике радикализации мусульманской молодежи	37
Сиражудинова С. В. Роль гражданского общества в процессах дерадикализации на Северном Кавказе (гендерный аспект)	41
Следзевский И. В. Идеологический аспект программ дерадикализации: проблема деконструкции идеологии религиозно мотивированного экстремизма и насилия	43
Сулумов С. Х. Детерминанты радикализации	46

Тлий А. А. Государственно-конфессиональное взаимодействие как фактор дерадикализации религиозно мотивированных лиц	48
Уланова Н. С. Онтогенетическая модель развития морально-нравственных суждений: психологический подход к предупреждению распространения религиозного радикализма	51
Харитонова Е. В. Дерадикализация в многоуровневой системе координат (социально-психологический подход). Взгляд извне и изнутри системы на примере религиозно мотивированного экстремизма	53
Шахмамедов К. А. Роль семьи в процессах дерадикализации религиозно мотивированных лиц на примере некоторых коранических текстов . . .	56
Шерстобоев В. В. Среда радикализации и радикальная среда: теоретическое и практическое значение	58

ПРЕДИСЛОВИЕ

30 мая 2023 г. Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ провели межвузовскую научную конференцию с международным участием «Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов: возможности и перспективы». Конференция стала продолжением дискуссий, начатых в ходе работы конференции с международным участием «Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт)», проведенной ЦЦРИ ИАФР РАН 26 октября 2022 г.

Актуальность борьбы с религиозно мотивированным насильственным экстремизмом не вызывает сомнений. Статистические показатели подтверждают, что международный терроризм по-прежнему представляет серьезную угрозу безопасности. Во многих странах уже сформулированы свои как политико-правовые, так и силовые ответы на угрозы терроризма. Однако все более востребованными являются инициативы, основанные на принципах «мягкой силы», а именно программы дерадикализации, выработанные в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, в Центральной и Юго-Восточной Азии.

Основная цель проведенной 30 мая 2023 г. конференции заключалась в анализе концептуального и практического опыта реализации в различных странах и регионах мира программ дерадикализации исламистов в широком контексте возможностей и перспектив комплексного развития этих программ, повышения их общественной и политической значимости на фронте борьбы с международным терроризмом.

В зависимости от историко-культурного и политического контекста в разных странах программы дерадикализации имеют свою специфику. В некоторых программах делается акцент на отказ от радикальной идеологии, в других – на отказ от насильственного экстремизма для достижения политических целей, на социальную реабилитацию и реинтеграцию. Почти все программы дерадикализации включают в себя психологическое консультирование, идеологические дебаты, поддержку семьи, восстановительное правосудие и профессиональное обучение участников. Также важным направлением является вовлечение и реорганизация органов пенитенциарной системы, без участия которых реализация данных программ может оказаться малоэффективной.

Один из практических вопросов конференции – насколько действенными, рабочими являются подобные программы. Вопрос об эффективности

и целесообразности этих программ все чаще поднимается учеными и практиками, но он не может быть решен в отрыве от конкретных социокультурных и национально-политических условий их реализации. Отдельная проблема – возможности комплексной реинтеграции бывших экстремистов и изменения той среды, в которой они стали на путь радикализации.

Задачами конференции было обсуждение следующих вопросов:

- программы дерадикализации: основные проблемы реализации в мире и в регионах России;
- как связать научный анализ программ дерадикализации и практические методики;
- психологические методы в процессах дерадикализации;
- какой международный опыт может быть востребован в России?
- традиционные механизмы и институты в процессе реализации программ дерадикализации;
- роль семьи, гражданского общества и религиозных авторитетов в процессах дерадикализации религиозно мотивированных лиц;
- профилактика религиозного экстремизма в молодежной среде;
- проблема процессов радикализации и применения программ дерадикализации в местах отбывания наказания и среди бывших заключенных;
- информационное противодействие радикализму и информационная поддержка дерадикализации.

На конференции работали 4 секции:

Радикализация и дерадикализация в современную эпоху: теоретические аспекты (модератор Нефляшева Н.А., к.и.н., доц., ст. науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН);

Дерадикализация: ресурсы психологии и педагогики (модератор Харитоновна Е. В., к.психол.н., доц., ст. науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН);

Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов: опыт России и стран СНГ (модератор Следзевский И.В., вед. науч. сотр., д.и.н., проф., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН);

Дерадикализация: опыт зарубежных стран (модератор Бобохонов Р.С., к.и.н., ст. науч. сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН)

На конференции было заслушано 25 докладов.

Бобохонов Р. С.,

к.и.н., ст.науч.сотр.

Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН

СУФИЗМ И ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ САЛАФИТОВ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

В последние годы салафиты в Тропической Африке предлагают собственную цивилизационную модель общественного устройства. Согласно этой модели они путем джихада – вооруженной борьбы хотят построить исламское государство в странах этого региона. Главный враг в регионе для них не христиане, а представители суфизма, которые исповедуют, по мнению салафитов, неверный и ненастоящий ислам. Тарикаты мирно сосуществуют с христианами и местными правителями, не хотят бороться за исламское государство. Суфизм выступает за концепцию мирного ислама. Поэтому салафиты для реализации глобального исламистского проекта – Всемирного Халифата – ставят главную задачу – вытеснить и уничтожить суфийский ислам в регионе. Салафитские группировки отличаются тем, что в их учении, которое они расценивают как единственно правильную трактовку ислама, присутствуют два непеременных системообразующих, присущих салафизму положения: о такфире (обвинение в неверии – куфр – всех мусульман, кто не согласен с салафитами) и джихаде, который преподносится как вооруженная борьба, вменяемая в обязанность каждому мусульманину против неверных (кяфиров). Необходимо при этом иметь в виду, что данные термины – не просто оценочные характеристики, а шариатско-правовые категории. Их использование по отношению к тому или иному мусульманину или группе мусульман предполагает обязательность применения конкретных санкций. Под эти санкции, конечно, попадают представители суфизма.

Теперь немного об особенностях суфийского ислама в Тропической Африке, которые сильно раздражают салафитов. Суфийские тарикаты, как правило, лояльно относятся ко многим запретам в исламской религии. Например, практически во всей Тропической Африке не соблюдаются запреты на изображение живых существ. Скульптурные изображения людей и животных и мелкая пластика являются неотъемлемыми атрибутами культуры подавляющего большинства африканских народов и основным видом туристических сувениров. А церемонии с использованием масок предков, духов и демонов проходят даже в мечетях. В мусульманских африканских семьях девочкам разрешают играть в куклы, довольно реалистично изображающих

людей. Также часто нарушаются пищевые запреты. Например, среди мусульман – темне Сьерра-Леоне свинья почитается как тотемное животное. Там, где в доисламский период были распространены собаки, их продолжают разводить и в настоящее время. Не считается из ряда вон выходящим употребление во время поста еды, напитков, табака, алкоголя и наркотических веществ. Сами африканские мусульмане часто говорят об «исламизации» без «арабизации».

Провозглашая равенство в вере, аскетизм, тарикаты постепенно становились активными субъектами экономики, продолжая миссионерскую деятельность первых мусульманских купцов, сочетавших духовные и мирские цели и выполнявших от имени Аллаха требования просветительского, этического и экономического характера. В результате устанавливался новый характер социальных связей, когда кровнородственные отношения, бывшие многие века основой единства общества, заменялись отношениями духовной близости и экономической подчиненности руководителям тарикатов. Марабуты, мудрецы и знатоки Корана, обладающие харизмой и барака, одновременно были и удачливыми бизнесменами. Старейший тарикат Кадирия был основан в XII в. За прошедшее время от него отпочковалось до сотни самостоятельных тарикатов.

Соблюдение достаточно строгой иерархической дисциплины и послушание приверженцев главе тариката позволило некоторым из них со временем занять сильные позиции в торговле, сельском хозяйстве и даже банковском деле во многих странах Западной Африки, особенно в Сенегале. Сегодня тарикаты – не только религиозные институты, но и влиятельная политическая, экономическая, социальная сила, которая оказывает непосредственное влияние на функционирование и развитие многих западноафриканских государств.

Для африканцев, сильно тяготеющих к традиционным культам и обрядам, влияние и деятельность марабутов компенсируют безликость монотеистического божества. Они считаются своего рода посредниками между богом и человеком, на них смотрят как на людей, наделенных барака. В Африке существует убеждение, что она может передаваться при непосредственном контакте. Поэтому могилы особенно известных при жизни марабутов, а также руководителей тарикатов, которым приписываются такие же качества, становятся местом паломничества, а предметы, которыми они пользовались, приобретают ценность реликвий. Власть в тарикатах, основанных марабутами, наделенными баракой, передается по наследству. Марабуты одновременно являются колдунами, ясновидящими, целителями. Значительная часть их религиозной активности посвящена созданию амулетов, талисманов, которые

являются неперенным атрибутом подавляющего большинства верующих. Среди сенегальских мусульман распространена поговорка: «Обеспечить безопасность двумя способами лучше, чем одним». Эти и другие черты суфийского ислама в Тропической Африке, конечно, сильно раздражают салафитов и согласно такфиру дают им основание объявлять их неверными. Салафитский джихад – это и есть борьба против неверных.

Как мы видим, цивилизационные вызовы салафизма в Тропической Африке направлены не только против местных христиан, существующих там государств и правителей, но и местных мусульман, которые являются последователями различных суфийских тарикатов.

В последние годы в регионе Тропической Африки начали работать международные проекты по дерадикализацию исламистов. В реализации и положительных результатов этих проектов, конечно, заинтересованы представители суфизма. В процессе дерадикализации возникают трудности разного характера. Салафитам предлагают концепцию мирного ислама. Но от идеи джихада и Всемирного Халифата не все салафиты готовы отказаться по разным причинам. Большинство боятся такфира. Переходить на сторону суфизма многие не хотят по идейным соображениям. Поэтому в ходе реализации этих проектов важны не только финансы, но и всесторонняя духовная и психологическая помощь. Такую помощь должны оказывать хорошие психологи, психиатры и, конечно, образованные мусульманские священнослужители – сторонники мирного и классического ислама. Представители суфизма – марабуты – также могут активно участвовать в этих проектах, поскольку имеют большой авторитет и сильное влияние в государственных структурах региона.

Гайворонская А. А.,

к.психол.н., доц., инспектор управления
научно-исследовательской деятельности
Главного управления криминалистики СК Российской Федерации

Смирнов А. А.,

д.юрид.н., доц., вед. науч. сотр.
3 отдела НИЦ № 4 ВНИИ МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Террористические и экстремистские угрозы остаются одними из ключевых вызовов национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ подчеркивается дестабилизирующее влияние экстремистских проявлений на общественно-политическую обстановку.

Потенциальная опасность любой радикальной идеологии заключается в применении насильственных методов достижения декларируемых целей, включая террористические акты. Соединяя в себе популизм и элитаризм, маскируясь под мета-ценности, идеология радикализма становится привлекательна для обывателя, помогая решить в краткие сроки наисложнейшие проблемы экономического, политического, социального характера. В.Г. Осипов отмечает, что «радикализм характеризуется абсолютизацией «простых» решений для сложных и многогранных социальных, политических, экономических, межэтнических, религиозных, экологических и иных проблем, оправданием и идеализацией насилия как «эффективного» средства прямого и незамедлительного действия, тем самым иллюзорной надеждой преодолеть социальную и политическую беспомощность, отсутствием толерантности и готовности к диалогу и компромиссам»².

В результате исследования материалов уголовных дел были выявлены определенные психологические характеристики личности, способствующие восприятию идеологии радикализма. К их числу относятся: а) завышенный уровень притязаний; б) вера в исключительность, превосходство; в) амбивалентность (полярность) в стандартах, отношениях; г) жесткая система оценок (ригидность).

Повышенную уязвимость при восприятии идеологии радикализма обуславливает ксенофобия. Это явление представляет собой фобию (страх), в ос-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 08.07.2021).

² Осипов В.Г. Радикализм, экстремизм и терроризм. К методологии проблематизации // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 51.

нове которого враждебность ко всему «чужому». Мир разделяется на «мы» и «они», где конфронтация – это способ разрешения проблем. Четкий и гипертрофированный образ врага присутствует во всех радикальных идеологиях.

Современная цифровая среда создала широкие возможности для деятельности террористов и экстремистов. В Доктрине информационной безопасности РФ отмечается, что террористические и экстремистские группировки используют возможности современных информационно-коммуникационных технологий «для ведения пропагандистской и вербовочной деятельности, для информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников»³.

Экстремисты применяют следующие формы деструктивного информационно-психологического воздействия: 1) террористическая и экстремистская пропаганда; 2) террористическая и экстремистская вербовка; 3) информационное стимулирование деструктивных действий⁴. При этом радикалами применяется широкий спектр методов и приемов психологического воздействия на индивидуальное и коллективное сознание.

Для противодействия использованию информационного пространства в террористических и экстремистских целях требуется использовать комплексную стратегию, включающую согласованные усилия силовых структур, других органов публичной власти, институтов гражданского общества. Такая стратегия должна включать следующие основные направления противодействия проявлениям терроризма и экстремизма в цифровой среде:

- 1) мониторинг террористической и экстремистской активности в информационном пространстве;
- 2) выявление, уголовное и административное преследование лиц и организаций за совершение правонарушений террористической и экстремистской направленности;
- 3) профилактическая работа;
- 4) информационно-разъяснительная работа и повышение цифровой, а также правовой грамотности;
- 5) информационное противодействие терроризму и экстремизму, включающее ограничение доступа к противоправному контенту и контрпропаганду.

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁴ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрияшин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 52–60.

СТРУКТУРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Вопросы структуры и психологических механизмов формирования религиозного сознания представляются значимыми для понимания психологических предпосылок и закономерностей проявления религиозного радикализма. При этом в современной психологии нет единства в трактовке структурной организации религиозного сознания, а представления о механизмах его формирования носят весьма обобщенный характер (например, отсылая к базовым социально-психологическим механизмам внушения, убеждения или к комплексному процессу индоктринации).

Ранее нами был предложен авторский подход к пониманию индивидуально-психологического механизма формирования религиозного сознания на основе идей культурно-исторической теории Л. С. Выготского о знаково-символическом опосредствовании психических процессов¹. Согласно его теории, используя для решения психологических задач имеющиеся в культуре знаково-символические средства (знаки-объекты, графические образы, числа, слова и др.), человек овладевает собственным поведением и психикой. Например, при задаче запоминания человек может пользоваться своей произвольной памятью («что запомнилось – то запомнилось») без применения культурных средств. А может прибегнуть к *опосредствованному* запоминанию – записать информацию в память смартфона или использовать специальные мнемотехнические приемы. Знаки и символы таким образом становятся своеобразными «психологическими орудиями».

Сознание, по Л. С. Выготскому, имеет семантическую природу и формируется в онтогенезе как результат овладения ребенком особой знаковой системой – языком². Языковые знаки обладают *значениями*, освоение которых в процессе речемыслительной деятельности позволяет ребенку выделить себя из среды (природной, предметной), т. е. осознать мир и себя как отдельные сущности. Можно сказать, что осознать объект – это приписать ему определенное значение. Помимо системы культурно-детерминированных

¹ Двойнин А. М. Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 104. С. 123–143. DOI: 10.15382/sturI2022104.

² Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Он же. Психология. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 512-755.

значений структуру сознания образуют *личностные смыслы* – психические образования, выражающие субъективную значимость чего-либо для человека.

Если рассмотреть религию как систему особых культурных (знаково-символических) средств – «религиозных психологических орудий» (объектов, ритуалов, образов, значений), то религиозное сознание предстает как результат наиболее сложной формы опосредствования человеком собственного поведения и психики – оперирования религиозными значениями (понятиями). Использование верующим в практической жизни религиозных нарративов и понятий (Бога, греха, ада, рая, спасения, просветления, джихада и т.п.) формирует структуру религиозного сознания – совокупность *семантических и смысловых связей*, интегрирующих различные элементы опыта человека. Например, тело для верующего становится «плотью» (религиозное значение) и субъективным источником искушений (личностный смысл), проявление агрессии – «грехом» и может восприниматься как проявление слабости духа и т. д.

В религиозном сознании мир репрезентирован дуалистично – в феноменальном плане он разделен на мир «земной», естественный (конечный, преходящий, непостоянный) и мир божественный, сверхъестественный (бесконечный, вечный, постоянный). Но с объективистской психологической позиции, в религиозном сознании в определенной степени слиты субъективный и объективный планы восприятия реальности.

Поскольку верующий опосредствует свое поведение не только религиозными значениями, то в его сознании обычно присутствуют также нерелигиозные значения и смыслы, которые могут быть в разной степени интегрированы с религиозными. При условной норме в сознании верующего какая-либо часть его опыта (событие, цель, деятельность и др.) «опутана» многообразными семантическими и смысловыми связями. Например, работа может одновременно иметь смысл служения Богу, вклада в благополучие общества, возможности творчески реализовать себя или общаться с коллегами. Такой верующий может легко выделять разные планы/контексты реальности, каждый из которых может в его сознании отражаться как относительно автономный – обладающий своими закономерностями, самоценный и т. п.

В случае так называемого «зауженного» сознания, нерелигиозные семантические и смысловые связи редуцируются и уплощаются – любой элемент опыта воспринимается главным образом в религиозном контексте, интерпретируется в религиозных значениях. Поскольку нерелигиозные контексты в сознании такого верующего редуцированы и теряют свою автономию (психологически трудно их выделять), нерелигиозные стороны мира обесце-

ниваются, происходит поляризация религиозного и нерелигиозного. Сложная иерархия мотивов поведения упрощается, интересы замыкаются на религии, сужается диапазон целей деятельности – отпадают секулярные цели, поведенческий репертуар беднеет, ключевым стремлением становится достижение личной праведности и целей (идеала) религиозной доктрины.

Предположительно, описанное явление «зауженного» сознания может быть личностной предпосылкой для проявления радикализма при определенных условиях: относительной оппозиции религиозной группы к социуму, наличия харизматического религиозного лидера, появления некоего события-триггера и др.

Денисов А. Е.,

к.полит.н.,

ст. преп. кафедры конфликтологии,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОРГАНИЗОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ И ПРАКТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Крайней формой националистического экстремизма следует считать националистический терроризм. Он ставит своей целью решение политических, социальных и культурных проблем этнической группы, являющейся национальным меньшинством в государстве, насильственным путем.

Националистические террористические группы проводят свои акции насилия точно, стараясь избегать чрезмерных жертв, чтобы не оттолкнуть сторонников среди своей этнической общности и зарубежных стран. Периодически осуществляя террористические акции, они стремятся напоминать о себе, поддерживать внимание к своим требованиям не только внутри страны, но и за рубежом.

До недавнего времени националистический терроризм было достаточно проблематично идентифицировать. Члены подобных организаций продолжают настаивать на том, что они являются не террористами, а борцами за независимость своего народа.

В качестве ключевой особенности этого вида терроризма является постоянное устрашение как собственного этнического сообщества (стимулирование к примыканию в ряды террористов), так и населения страны в целом, чтобы оно оказывало давление на власть с целью принятия требований национального движения. Из-за этого у тех национальных движений, которые встали на путь незаконной реализации своих интересов, всегда есть силовые блоки или «боевые дружины».

Чаще всего этот «силовой блок» формируется из наиболее радикально настроенных молодых людей, готовых пойти на крайние меры ради реализации целей своей этнической группы. Почти для всех развитие таких организаций выглядит следующим образом: сначала как боевое крыло в рамках национального движения, а затем оно отделяется и начинает жить своей собственной жизнью. Часто это переплетается с религиозным экстремизмом.

В качестве примера можно привести такую организацию, как ИРА (Ирландская республиканская армия), которая была одно время частью партии «Шинн Фейн» (ирландская партия, выступающая за объединение Ирландии и Северной Ирландии). ИРА изначально создавалась как боевое крыло партии

в Северной Ирландии для противостояния с местным протестантским большинством. Предполагалось, что с помощью террористических актов местные ирландцы поднимутся в борьбе против протестантов, а протестанты или уедут, или добровольно подтолкнут правительство Великобритании к признанию суверенитета Ирландии над этой территорией¹. В итоге все оказалось не так просто, и протестанты оказали серьезное сопротивление, которое вылилось в насильственный конфликт с высокой степенью интенсивности. Шинн Фейн как партия независимой Ирландии немного отделилась от этих событий, но помогала своей ячейке и боевому крылу материально и дипломатически. Фактически, ИРА на протяжении многих лет была единственной проирландской силой в регионе.

Можно выделить ряд мер как противодействовать экстремизму и терроризму в национальных движениях:

1. Необходимо проводить постоянный мониторинг настроений, которые высказываются в среде того или иного национального движения;

2. Важно выстроить пространство диалога между представителями органов государственной власти с разным спектром лидеров национального движения (как с умеренными, так и с радикальными). Это необходимо с целью недопущения радикализации на основе «обделения вниманием»;

3. Особое внимание необходимо уделить работе с молодежью, будущими лидерами движения. Вовлекать их в разного рода патриотические и исторические организации, в волонтерскую деятельность;

4. Стоит стараться равномерно распределять имеющиеся политические, экономические, социальные и культурные ресурсы равномерно между представителями разных этнических групп (особенно важна паритетность в полиэтнических регионах);

5. В национальной политике необходимо акцентировать внимание на общем, а не на том, что может разделить. Таким образом, СМИ и весь комплекс культурно-досуговых мероприятий должны быть направлены на тему взаимопроникновения культур внутри страны.

¹ Фролова Ю.Н. Этнополитические конфликты в Ирландии и Стране Басков сравнительный анализ // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. № 2. С. 73–74.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ КАК УЧАСТНИКИ (ДЕ)РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА

Индонезия относится к числу тех стран современной Юго-Восточной Азии, в политической жизни которых особая роль принадлежит исламу.

В современной Индонезии возрастает роль ислама в функционировании коллективной исторической памяти¹. Мусульманские интеллектуалы позиционируют себя в качестве участников политики памяти, проводимой в мусульманской системе координат и с учетом интересов верующих. Активисты движения, созданного в 2013 г., определяют себя как «сообщество любителей исламской истории»², которое проявляет «озабоченность в связи с интерпретациями истории, не имеющими исламской перспективы и основанными на занижении роли ислама»³. Российский историк Т.М. Надыршин, комментируя особенности мусульманского исторического нарратива, подчеркивает, что «для верующего характерно аффективное восприятие истории. Герой истории всегда выбирает между хорошим и лучшим. И только в этом случае может совершить ошибку. Чаще всего история в исламе имплементирована в религиозное повествование с целью назидания»⁴. Именно подобной логикой и руководствуются агенты мусульманской политики памяти, полагая, что в светских моделях мемориальной культуры ислам занимает меньше места, чем ему надлежит.

Поэтому, по мнению мусульманских агентов исторической политики, следует вернуть исламу его место в тех нарративах, которые формируют восприятие прошлого в рамках индонезийского общества. Сторонники мусульманской исторической политики активны в своем стремлении не только подвергнуть представления об истории ревизии, пересмотрев и переписав ее именно с исламской точки зрения. В 2020 г. мусульманские активисты в рамках общественных дискуссий выступали против придания урокам истории в школах факультативного характера⁵, хотя тремя годами ранее они конста-

¹ Кирчанаў М.В. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Історыя. 2022. № 3. С. 82–92.

² Tentang Kami. <https://jejakislam.net/tentang-kami/> (дата обращения: 12.03.2023).

³ Там же.

⁴ Надыршин Т.М. Герои исламской истории в коллективной памяти мусульман России // Религиоведение. 2020. № 4. С. 39–40.

⁵ Rizkiyansyah B. Umat Islam dan sejarah 1965 // Jejak Islam Untuk Bangsa. 05.10.2020. <https://jejakislam.net/umat-islam-dan-sejarah-1965/> (дата обращения: 13.04.2023).

тировали, что память о вкладе уммы в истории Индонезии постепенно отмирает в обществе⁶.

В целом, мусульманская политика памяти основана на фундаментализме и отрицании светского подхода к истории. Види Астути, один из активистов мемориальной политики, подчеркивает, что «секуляризация истории» сыграла крайне негативную роль в Индонезии, так как она, по его мнению, маргинализовала ислам как исторический фактор, заменив его пропагандой дарвинизма и секулярной историей⁷. Мусульманская мемориальная культура основана на последовательной суверенизации истории ислама, актуализации как его самодостаточности в историческом процессе, так и системного значения веры для коллективной исторической памяти индонезийцев. Исламские агенты политики памяти склонны интерпретировать историю через призму Корана, подчеркивая, что «согласно Корану, конечной целью истории является победа веры над неверием, добродетели над злом»⁸.

Политика памяти уммы в современной Индонезии в значительной степени связана с реактуализацией ислама и его исторической суверенизацией как в идентичности в целом, так и в историческом воображении в частности. Комментируя роль ислама в конструировании идентичностей, американский историк Г. Купер подчеркивает, что «идентичность – будь то белый, черный, азиат, европеец, мусульманин, еврей или мормон – не только окрашивает наше восприятие и определяет то, что мы замечаем – т.е. то, что выделяется для нас – из массы раздражителей в мире, но также формирует то, что мы помним о прошлом, и как мы помним прошлое, как из нашего собственного опыта, так и из опыта других, что мы называем историей»⁹. Индонезийские мусульманские интеллектуалы сталкиваются с дефицитом присутствия их сообщества в больших исторических нарративах и тех приемах, при помощи которых фактически светские элиты конструируют в публичных пространствах коллективные представления о прошлом, предлагая их не только и не просто гражданам, но и верующим мусульманам.

Таким образом, современные мусульманские интеллектуалы в Индонезии стали важными участниками не только политической жизни. Их роль в реализации исторической политики памяти не вызывает сомнений. Политическая активизация ислама и вмешательство уммы в реализацию мемориальной политики может содействовать как сближению мусульман с формально светским режимом, так и стать фактором радикализации.

⁶ Pizaro M. Berpuasa Sekaligus Berperang: Kisah Ulama Indonesia Mengusir Penjajah Belanda di Bulan Suci // Jejak Islam Untuk Bangsa. 29.05. 2017. <https://jejakislam.net/berpuasa-sekaligus-berperang-kisah-ulama-indonesia-mengusir-penjajah-belanda-di-bulan-suci/> (дата обращения: 13.04.2023).

⁷ Astuti W. Antara Sejarah dan Ideologi // Jejak Islam Untuk Bangsa. 09.11.2015. <https://jejakislam.net/antara-sejarah-dan-ideologi/> (дата обращения: 13.04.2023).

⁸ Ryansah A. Umat Islam Harus dan Penting Memahami Sejarah // Jejak Islam Untuk Bangsa. 20.05.2014. <https://jejakislam.net/umat-islam-harus-dan-penting-memahami-sejarah/>.

⁹ Cooper G.M. Memory and Erasure in the Story of the West: Or, Where have All the Muslims Gone? // Muslim Heritage. 03.08.2020. <https://muslimheritage.com/memory-and-erasure/> (дата обращения: 13.04.2023).

Мосейко А. Н.,

к. филос. н., доц., вед. науч. сотр.
Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АФРИКАНСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ И МЕХАНИЗМОВ КАК «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННЫХ КОНФЛИКТОВ

В современной Субсахарской Африке салафитский исламизм позиционирует себя как исламский фундаментализм, выступающий за «чистоту ислама» и возврат к классическим формам времен пророка Мухаммеда. Однако, по словам ученых (Ш. Айзенштадта, Т. Брекке и др.) современные фундаменталистские движения намного сложнее и представляют собой реконструкцию религиозного фактора и использование его в более широких, прежде всего политических целях. Отсюда дерадикализация религиозно мотивированных групп, а также сочувствующих им и потенциально способных присоединиться к таким группам – проблема глубокая и сложная.

Материалы о различных формах помощи жертвам экстремистов и о работе с потенциальными рекрутами террористических группировок свидетельствуют об использовании традиционных норм общинного социума, традиционных ценностях и институтах.

В докладе обращается внимание на традиционный институт диалога – палабру¹. Это широко распространенная до сих пор форма коммуникации и решения сложных проблем на уровнях: большой семьи, возрастного класса, совета старейшин, а также общины, деревни и других сообществах. Использование института палабры возможно также для разрешения сложнейших религиозно мотивированных конфликтов, связанных с деятельностью экстремистских группировок. По форме палабра – это длительное общее собрание, продолжающееся несколько дней и недель, где выслушиваются все собравшиеся до тех пор, пока не возникнет общее согласие – консенсус.

Если темой диалога является сложный конфликт, например, вызванный действиями религиозно мотивированных группировок, затрагивающий жизни людей, то его рассмотрение включает несколько этапов: рассматриваются причины конфликта, его участники, их семьи, положение в обществе, характер. В данном случае консенсус невозможен и опасен, так как ведет к ком-

¹ Подробнее о диалоге-палабре см. *Мосейко А.Н.* Межрелигиозные диалоги в Африке. Исламо-христианский диалог // Преподаватель XXI век. 2022. № 4. Ч. 2. С. 411–425.

промиссу, к утопическим обещаниям, что не разрешает конфликт, а его за-тушевывает.

Автор книги «Палабра» – Ж. Г. Бидима ставит вопрос: как жить в обществе, где конфликт только отодвинут, но не разрешен. По мнению автора, двигаясь от одного этапа к другому, можно заставить людей, причастных к конфликту (и жертв, и виновных; и равнодушных, и сострадающих), увидеть суть конфликта, понять его умом и сердцем и нащупать хотя бы ростки будущего разрешения конфликта. Как пишет Бидима, в процессе разрешения конфликта более важен не консенсус, а диссенсус – разногласия, «внутренние диалоги» (М. Бахтин).

Такой диалог является своеобразным «ритуалом перехода», в нем важно символическое пространство, в котором традиционно проходят собрания-диалоги (палабра). Палабра-диалог – это общественное пространство, где люди различных сообществ могут открыто обсуждать «фигуры катастрофы» в Африке. Палабра – это культурная инсценировка желаемых общественных отношений.

РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КЕЙСОВ В ТАТАРСТАНЕ

Все возникавшие в Татарстане в 1990-2010-е гг. джихадистские группы контактировали с северокавказскими боевиками, действовали в их интересах, но группы имели свои особенности. Если группа состояла из ранее несудимых лиц, не знакомых с криминальной деятельностью в составе ОПГ, то их борьба с российским государством выражалась в ликвидации объектов инфраструктуры («Кукморский джамаат»). Когда в группу включались бывшие члены ОПГ, имевшие судимости, а также опыт боевых действий, то группа кроме терактов на объектах была готова совершать убийства, в том числе массовые («Исламский джамаат», «Рыбно-Слободский джамаат»). Закономерностью стало появление группы из числа бывших членов ОПГ, которая перешла к адресным терактам в отношении своих идеологических оппонентов и готовила крупные теракты против населения («Чистопольский джамаат»). Действия становятся направленными на конкретных лиц и начинают носить символический характер, прослеживается стремление увеличить число жертв.

В последние годы проявления джихадизма в республике приобретают новые черты, чему способствует ряд объективных факторов: 1) улучшение социально-экономической ситуации в стране; 2) усиление государства и правоохранительной системы; 3) исчезновение крупных преступных сообществ; 4) ликвидация организованных незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе; 5) снижение религиозности среди молодежи из-за повышения уровня достатка, появления альтернативных увлечений, уменьшения числа глобальных кризисных ситуаций в сравнении с 1990-ми гг.; 6) улучшение досуговой инфраструктуры, информатизация социального пространства и гаджетизация, из-за чего взаимодействие молодых людей протекает по большей части не в дворовых «шайках», а в сообществах по интересам, часто – в виртуальном пространстве. При сохранении текущего положения дел в Татарстане маловероятно появление сплоченных групп молодых джихадистов, идеологически мотивированных и имеющих опыт коллективной криминальной активности в бандах. Такое было возможно среди людей, социализировавшихся в условиях 1980-х-начала 2000-х гг., но в современных

условиях, как демонстрируют примеры 19-летнего Р. Кодирова и 16-летнего В. Антипова, теракты совершаются одиночками с проблемами в коммуникации, не умеющими находить соратников и организовывать диверсионные группы, стремящимися посредством преступлений доказать себе и окружающим собственную значимость, выбирающих суицидальные действия.

Как показывают рассмотренные случаи, при изучении религиозного радикализма необходимо уделять внимание биографиям террористов, их жизненному пути и характеру, опыту взаимодействия с другими. Этничность и религиозность играют только дополнительную роль, усиливая отдельные моменты (например, негативное отношение к государству, обществу, социальным группам).

На фоне снижения религиозности местного населения требует внимания распространение радикальных взглядов среди мигрантов. Культурная дистанция между мигрантами и местным населением влияет на стратегии адаптации и интеграции приезжих, усиливает вероятность социальной изоляции и анклавизации (территориального и социально-культурного обособления), чему способствует комплекс причин. Особенно уязвимыми становятся сезонные мигранты из сельской местности.

В итоге анклавизация приводит к формированию благоприятной среды для распространения радикальных идей. Отметим, что дополнительным основанием выбора Татарстана для мигрантов из южных республик бывшего СССР является предполагаемая религиозная и этнокультурная близость, хотя ожидания и реальность далеко не всегда совпадают. Например, таджик из сельской местности не увидит в городах Татарстана такого же коллективизма и религиозности, как в своем родном селении, а узбек или киргиз не смогут свободно общаться с тюркоязычными татарами не только из-за объективных языковых расхождений, но и часто из-за низкого знания родного языка некоторыми татарами. Хотя проблема анклавизации мигрантов перед Татарстаном пока не стоит, для крупных городов республики (Казани, Набережных Челнов, Нижнекамска, Альметьевска и прилегающих к ним районов) может быть полезной проработка методов картографирования компактного расселения мигрантов по аналогии с опытом исследователей в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Пензе и др. городах России.

Нефляшева Н. А.,

к.и.н., доц., ст. науч. сотр.

Центра цивилизационных и региональных исследований

Института Африки РАН

ПРОГРАММА ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ «ОПЕРАЦИЯ БЕЗОПАСНЫЙ КОРИДОР» В НИГЕРИИ: ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АФРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ

За годы борьбы с «Боко Харам» правительство Нигерии выработало как правовые (принятие комплекса антитеррористических законов и концепций) и силовые ответы (в виде масштабных военных операций), так и программы дерадикализации исламистов из «Боко Харам». Сегодня в Нигерии действуют 3 программы дерадикализации.

«Тюремная программа» в тюрьме в Кудже действует с 2014 г. и направлена на лиц, осужденных или ожидающих суда. Программа «Желтая лента», учрежденная неправительственной организацией *Neem Foundation* в 2017 г., нацелена на оказание психологической, медицинской и социальной помощи женщинам и девочкам, пережившим насилие и вернувшимся из экстремистских группировок. Среди участниц этой программы как идеологически мотивированные женщины, находившиеся в рядах «Боко Харам» в качестве боевиков или жен боевиков, так и женщины, вынужденно оказавшиеся в зонах террористической активности. Наконец, программа *Operation Safe Corridor* (Операция «Безопасный коридор», далее – *OSC*) работает с 2016 г. в штате Гомбе.

В докладе проанализированы исследования современных африканских авторов, посвященных изучению предпосылок создания *OSC*, ее структуры, сложностям реализации, возможным перспективам и критериям успеха. То, какой видят программу *OSC* ученые из Африки, для многих из которых активность «Боко Харам» в Нигерии пришла на их юность и зрелость, позволит значительно расширить проблемное поле исследований и услышать «голоса с мест». Для анализа нами выбраны статьи ученых африканского происхождения из различных африканских университетов, опубликованные как в региональных журналах, посвященных проблемам терроризма, так и в ведущих европейских изданиях в 2020–2022 гг.

Программа дерадикализации *OSC* действует в Нигерии с 2016 г. Возможность участия в программе предоставляется только раскаявшимся бывшим боевикам, к которым нет претензий от соответствующих государственных органов. Программа *OSC* финансируется правительством Нигерии и ко-

ординируется военными. В рамках программы работают около 400 человек – сотрудники различных министерств, эксперты, имамы, психологи, медики, социальные работники, педагоги, наркологи, представители общественных организаций. В программу вовлечено 13 министерств и ведомств правительства Нигерии. Первоначально программа была рассчитана на 16 недель, в дальнейшем правительство увеличило срок до 52 недель.

Проанализированный историографический материал позволяет говорить, что в современной африканской академической науке сложилось направление, связанное с изучением программ дерадикализации исламистов в Нигерии¹. Ученые проанализировали предпосылки создания *OSC*, ее структуру, сложности реализации, возможные перспективы и критерии успеха. Ученые единодушны в том, что программа *OSC* является закономерным шагом правительства Нигерии наряду с силовым подходом, преобладавшим в последнее десятилетие. Вместе с тем программа, согласно современным исследованиям, не лишена системных недостатков. К ним относятся преобладающая роль военных в управлении *OSC*; непрозрачность управления программой для общества, амнистия бывших террористов без правосудия. Ученые отмечают и сложности реинтеграции прошедших программу, и отторжение со стороны местных сообществ². В своих работах они рекомендуют правительству включить местные сообщества в обсуждение концепции, структуры и реализации *OSC*, а также наладить открытые и всесторонние дискуссии с обществом о реабилитации, примирении бывших боевиков и их жертв. По мнению ученых, необходимо выработать систему финансовой поддержки не только участников программы дерадикализации, но и пострадавших от «Боко Харам»³.

¹ Bukarti A.B. and Bryson R. 2019. *Dealing with Boko Haram Defectors in the Lake Chad Basin: Lessons from Nigeria*. London: Tony Blair Institute for Global Change; Nextier SPD (nd) Assessing community resilience and peace-building initiatives in northeast Nigeria: Entrenching peace. www.nextierspd.com; Ogbogu J.C. 2016. Nigeria's approach to terrorist rehabilitation. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 8, No 4, pp. 16-21; Ugwueze M.I. and Onuoha F.C. 2020. Hard versus soft measures to security: Explaining the failures of counter-terrorism strategy in Nigeria. *Journal of Applied Security Research*. Vol.15, issue 4, pp. 547–567. <https://doi.org/10.1080/19361610.2020.1811936>.

² Onapajo H., Ozden K. 2020. Non-military approach against terrorism in Nigeria: deradicalization strategies and challenges in countering Boko Haram. *Security Journal*. Vol.33, issue 3, pp. 476–492. DOI: 10.1057/s41284-020-00238-2.

³ Ugwueze M., Ngwu E., Onuoha F. 2022. Operation Safe Corridor Programme and Reintegration of Ex-Boko Haram Fighters in Nigeria. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 57, issue 6, pp. 1229–1248. <https://doi.org/10.1177/00219096211047996>.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ПОДХОДАХ К ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ (ОПЫТ ЦЕНТРА ИСЛАМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АН РТ)

Опыт работы ЦИИ АН РТ с 2014 г. был первоначально связан с изучением процессов радикализации на примере деятельности псевдоисламских групп. Одна из первых гипотез, которая стала ключевой, заключается в идее первичности процесса радикализации над индоктринацией, т.е. идейно-мировоззренческим приобщением к радикальным взглядам¹. Подобный взгляд придает процессу дерадикализации иную перспективу. Поскольку первичные факторы связаны с комплексом социально-психологических проблем личности, вопрос «идеологической дерадикализации» не может являться единственным и первичным подходом.

Вопросы идеологической работы (переубеждения, профилактики и т.д.) сегодня преобладают в отечественных практиках дерадикализации. При этом игнорируется, что радикальные взгляды чаще представляют собой не набор рефлексированных образов будущего и способов его достижения (т.е. идеологией), а являются мировоззренческими установками, представляющим глубинные, зачастую неосознанные убеждения. Подобное мировоззрение формируется в результате длительного стечения обстоятельств личного и психологического характера, зачастую в процессе социализации индивида. Сначала оно складывается в виде убеждения об агрессивности либо безразличии окружающих, затем оформляется в окорелигиозные концепции враждебности «иноверцев» (в том числе мусульман, не разделяющих радикальные взгляды) в рамках концепции современного «мира варварства» (джахилии).

Поэтому односторонний упор на «политико-идеологическую» профилактику и переубеждение, который, как правило, связан с реинтерпретацией такфира (обвинения в неверии), трактовкой джихада и т.д., несколько снижает эффективность работы в отношении сторонников радикальных взглядов. В отдельных случаях, при серьезной индоктринированности личности, попытки идеологического переубеждения не будут приносить результата без изменения соответствующей социально-психологической ситуации вокруг

¹ Касимова А.В., Патеев Р. Ф. Радикальное религиозное сознание и среда его формирования: богословские и социально-психологические аспекты / Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р.Ф. Патеев, Д.Р. Гильмутдинов, А.А. Закиров и др.; отв. ред. Т.Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 369–386.

человека. Это требует комплексного подхода в практиках дерадикализации, которые, с одной стороны, должны представлять собой набор социально-психологических методик, с другой – дополняться глубинным, мировоззренческим переубеждением личности. При этом обычный набор психологических методов и подходов, ориентированный на западно-центристскую мировоззренческую парадигму, не будет эффективен. На данный момент, несмотря на развитие такого направления как исламская психология², в целом не выработана ее парадигма, которая могла бы использоваться, в том числе, в процессе работы с радикализированными личностями.

По нашему мнению, разработка реально действующей парадигмы должна учитывать целый ряд богословских аспектов, которые являются основой формирования у верующего картины мира:

– предопределение Аллаха (такдир), личного выбора человека (ихтияр) и ответственности за поступки (в радикальном мировоззрении все произошедшее трактуется не как результат личного выбора верующего, а исключительно как предопределение Аллаха, поэтому ответственность за совершенные поступки перед Всевышним отрицается);

– вера и раскаяние (иман ва тауба) (считается, что начало религиозной практики становится точкой отчета в обретении «истинной веры» и жизни с «чистого листа», а ответственность за совершенные поступки до этого «обнуляется»);

– восприятие современного общества как глубоко порочного (джахилия) (формирует у верующего экстернизированное сознание, убеждения о том, что все происходящее связано с происками врагов мусульман) и т.д.

Это лишь небольшой набор богословских аспектов, которые требуют более серьезной проработки в рамках парадигмы исламской психологии. Более того, необходима разработка методов и подходов работы не только с конкретной личностью, но и с его окружением, которое может стать фактором «первичной радикализации», т.е. являться составной частью среды радикализации. Достаточно часто в такой роли выступают близкие родственники и друзья, повлиявшие на процесс социализации, а не радикальные проповедники. Зачастую именно первичный процесс разрыва социальных отношений с близкими (конфликт), дальнейшее приобщение к радикальной идеологии, а затем и группе, приводят к окончательной радикализации личности. Поэтому речь идет о комплексной социальной работе со средой радикализации, к которой должны привлекаться не только представители мусульманского духовенства, но специально подготовленные психологи, социальные работники и другие субъекты профилактики.

² Павлова О.С. Психология: исламский дискурс: Монография. М.: Ассоциация психологической помощи мусульманам, АНО НПЦ «Аль-Васатья – умеренность», 2020. 208 с.

Полосин В. С.,

д.филос.н., к.полит.н.,
заместитель директора

Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования,
проф. кафедры теологии Болгарской исламской академии

МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ И ДЕПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИИ

Научные исследования темы терроризма, осуществляемого от имени ислама, поначалу отличались в большей мере фактографией террористических проявлений, описанием социально-политического контекста, списком самоназваний террористов и их лозунгов, нежели исследованием идейных и психологических первопричин экстремистской идеологии. И это упущение, так как еще в середине XX в. основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг исследовал предпринятую германскими нацистами попытку тотального переустройства мира и показал, что одним из главных инструментов индоктринации этого проекта в массовое сознание было использование религиозного фактора – реконструкция древнегерманского романтического эпоса и культов, а мотивация вождей лежала в области психологии.

Сутью религии являются отношения с потусторонним миром, что можно использовать для воздействия на общество, усиливая ссылками на волю Бога или богов социально-политические конструкции, направленные на достижение какой-либо значимой для масс привлекательной цели. Полученные таким образом конструкции становятся своего рода «социальным магнитом», притягивающим массы и заряжающим их коллективной энергией на достижение обозначенной цели, иначе говоря – становятся «стратегическим императивом».

Подобная конструкция привлекающего стратегического императива получила в научных исследованиях последнего времени название *диспозитива*. Термин *диспозитив* впервые ввел в научный оборот философ и психоаналитик Мишель Фуко и обозначил им, прежде всего, образ стратегической цели, которая эмоционально зачаровывает и притягивает к себе индивидов возможностью реализации их собственных явных и неосознанных желаний, группирует вокруг себя многоликую массу, показывает ей набор средств простейшего достижения данной цели, выступая своего рода «трендом» и «социальным лифтом». Французский философ Жакоб Рогозинский развил это понятие и обозначил им идеологическую конструкцию, которую используют акторы политического ислама.

Понятие диспозитива позволяет четко отделить собственно религию как традицию коллективной устремленности к потустороннему миру от квазирелигиозной политической конструкции, создаваемой на основе тенденциозного комбинирования элементов религии и политических тезисов для вовлечения верующих в борьбу некоей группы за земную власть, за «рай» на этой земле. Эта цель может быть закамуфлирована под лозунг переустройства мира – «счастья для всех», что обычно привлекает социально обделенные массы, и одновременно она может предлагать каждому индивиду в этом коллективном процессе как «социальный лифт», так и решение его личных психологических проблем – достижения «счастья для себя».

Привлекательность и императивность диспозитива становится объяснимой, если мы выявим в нем архетипы коллективного бессознательного, интуитивно угадываемые индивидом и манящие его возможностью осуществления личных подавленных или вытесненных желаний – прежде всего, связанных с комплексами превосходства, компенсацией психологических травм и мстостью за них и т.д.

Усама бин Ладен, – отмечает известный религиовед К. Армстронг, – «в своей декларации войны развивал складывавшуюся в мусульманском мире культуру обид и утверждал, что веками народ ислама страдал от агрессии, нечестия и несправедливости, которые совершал альянс крестоносцев и сионистов»¹.

Архетипы золотого века, идеального города – рая на земле, героя-спасителя, великой матери и т.д. веками живут в коллективном бессознательном и одновременно в личном бессознательном – нередко в качестве вытесненных или подавленных потребностей, желаний и мечтаний. Эти архетипы предлагают мощную психологическую опору на «освященный» историей героический, легендарный опыт прошлого. Мифологизированный опыт проходит через призму религиозного восприятия и сакрализуется, внушает верующему ощущение реальной идентификации с героем, небожителем, даже богом-спасителем, и, соответственно, пребывания вместе с ними в вечности.

Когда человек почувствует стыковку личной нереализованной мечты с диспозитивом, который открывает возможность ее исполнить – например, совершить героический акт, личность начинает тянуться к этому диспозитиву, и тем сильнее, чем больше у нее выявляется признаков идентификации с образом героя. При полном отождествлении своих личных земных интересов с диспозитивом вера в стратегическую цель диспозитива становится тотальной – священной или фанатичной: индивид чувствует личное слияние, пол-

¹ Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

ную личную идентификацию с образом героя, явленным в архетипе. В экстремистских организациях, где эксплуатируется ислам, и поэтому идентификация людей ни с богами, ни с Аллахом невозможна, используется вырванный из контекста архетип героев прошлого – *сахабов* и *саяфов*, сподвижников Пророка и первые поколения после них, которые героически сражались с многобожниками и получили заверения свыше о немедленном попадании в рай после гибели. Их человеческие добродетели и достоинства выносятся за скобки, а на первый план ставятся их качества на поле боя, как если бы ничего другого у них не было.

Благоговение перед святым трансформируется при этом в магический ритуал. Террористы на свой лад интерпретируют обязанность мусульман стремиться подражать пророку Мухаммаду: «Пакуя багаж, террористы должны прошептать себе в руки аяты Корана, а затем коснуться этими руками багажа, личного имущества, ножей и паспорта. Одежда должна сидеть тесно, как у Пророка и его спутников. Когда начнется схватка с пассажирами и экипажем, в знак решимости террористы должны «стиснуть зубы, как делали благочестивые предки перед битвой» и «разить, как победители»...

Они должны... успокоить своих братьев и позволить спокойствию и радости войти в их души». А ведь испытывать спокойствие и радость в таких обстоятельствах, – считает К.Армстронг, – означает «психотическую неспособность соотносить свою веру с реальностью поступка»².

Диспозитив есть идеологическая конструкция в общественном сознании и в коллективном бессознательном, которая предлагает обществу вдохновляющий образ земной стратегической социальной цели и одновременно привлекает индивидов возможностью получения «социального лифта» и удовлетворения своего комплекса превосходства посредством идентификации с героями и святыми прошлого.

В недалеком прошлом мир видел глобальный диспозитив коммунизма, эмоционально зарядивший и сгруппировавший почти треть человечества лозунгом: «Кто был ничем, тот станет всем!».

Для религиозного сознания теократия является самым древним, привычным и мощным религиозно-политическим диспозитивом. Теократия (по-русски: боговластие) есть режим правления, в котором *непосредственным* носителем власти над народом и государством провозглашается Бог или боги, но реальная власть осуществляется посредниками с богами: служителями культа, харизматическими лидерами и вождями, царями, пророками. Режим теократии характерен для монархии, но может иметь место и в республике.

² Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия.

Теократия может выступать целью, оппозиционной существующему режиму власти, в этом случае создаются общественные субъекты – теополитические сообщества.

Исследователь теократии Е.Салыгин пишет: «Внутренняя организация данных сообществ регламентируется корпоративным правом, поддерживаемым не только принудительной силой самих корпораций, но и союзнически настроенными государствами. Власть в сообществах находится в руках духовной элиты и осуществляется профессиональным аппаратом клира. Теополитические корпорации не обладают государственным суверенитетом, вследствие чего зависят от более сильных в политическом плане государств и могут терять свой статус, преобразовываясь в обычные религиозные объединения, либо, наоборот, вырастать до государств»³.

К теополитическим обществам относятся все, стремящиеся к политической субъектности объединения мусульман, включая и этно-религиозные сообщества и движения, и национал-сепаратистские организации и партии, стремящиеся к созданию клерикальной империи. Сегодня, в условиях светскости большинства государств, формат *теополитической* организации весьма распространен и функционален во многих странах, в том числе и в России. Более того, он присутствует и в ряде номинально мусульманских государствах, где представляет собой фундаменталистскую оппозицию правителям, заявляющих о своей светскости.

Главным критерием отличия религиозного объединения от экстремистского является стремление создать эксклюзивистскую квази-государственную структуру с идеологией непризнания легитимными всех иных законов общества и государства и провозглашения себя «единственно истинной» религиозно-политической организацией, вне которой человеческая жизнь лишена позитивного смысла и ведет к гибели. Глобалистские диспозитивы направлены к господству над миром и заявляют о необходимости реконструировать «халифат», под которым понимают нечто новое, не имеющее ничего общего с реальным государством праведных сподвижников пророка Мухаммада. В большой мере политический ислам следует за парадигмой халифата – султаната Османской империи, который на протяжении четырех веков был обязательным для всех мусульман мира.

Слияние религии с политикой с необходимостью влечет за собой перенос единства в вере на политическое единство, а поскольку ислам изначально заявил о себе как о религии без религиозных и национальных границ, то, в случае слияния в сознании мусульман религиозного и политического факто-

³ Салыгин Е. Н. Теократическое государство. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999.

ров, исламское государство мыслится глобальным с единым Повелителем – Халифом.

Таким образом, механизм политизации религии заключается в создании религиозно-политического диспозитива, который использует произвольно избранные фрагменты религиозных текстов, символов и практик для обоснования и психологического усиления привлекательной стратегической политической цели: построения какой-либо разновидности «земного рая» для своих адептов, достигаемой императивным путем. В результате происходит подмена собственно религиозной функции связи с потусторонним миром и морального самосовершенствования для будущего рая посюсторонней, по сути, политической функцией построения «земного рая» для своих адептов и устранения «неверных», препятствующих этой цели. Религиозное объединение трансформируется в теополитическое сообщество, иррациональный политический субъект.

Сцепление психологических комплексов индивида, прежде всего, комплексов неполноценности и превосходства, с вырванными из религиозного контекста цитатами, утверждающими коллективное превосходство над «неверными», открывает путь к индивидуальной и к коллективной индоктринации постулатов и идеологических установок политического ислама.

На фоне того, что множество терактов по всему миру связывают с исламом, некоторые исследователи ищут истоки терроризма в самом исламе, в его священных текстах. Однако при таком подходе невозможно ответить на простой вопрос: почему только очень небольшая и специфическая часть мусульман склоняется к этому пути, а подавляющее большинство мусульман, исповедуя ту же религию и читая те же самые тексты, не приемлет и осуждает путь насилия и террора и стремится к мирной жизни?

С другой стороны, французский политолог Оливье Руа выдвинул противоположную концепцию «исламизации радикализма» и утверждает, что причина терроризма вне религии, она находится во внутренней склонности человека к агрессии. Однако сторонники данной концепции не могут дать убедительного ответа на вопрос: для чего наркоторговцам, серийным маньякам или адептам «Колумбайна» «исламизироваться»? Каковы причины того, что уголовники вместо своих частных преступных целей вдруг начинают решать вопросы глобального переустройства мира?

Вера в успешность самопожертвования ради скорейшего попадания в гедонистский рай обязательно имеет обоснование в религиозных источниках – другое дело, что в существенно искаженной интерпретации с точки зрения сложившейся традиции, но это ложная интерпретация все-таки религиозных текстов, а не планов по ограблению банка.

Политический ислам умело прячет себя под видом религии, спекулируя на чувстве обиды и на тяге масс к счастью и к справедливости, и имитирует режим теократии, который он будто бы несет массам. Его подлинная цель – создание всемирной клерикальной империи с диктатурой некоего клана или корпорации. Под клиром в исламе здесь понимаются не столько служители культа, сколько те, для кого религия в целом является профессией, прежде всего, в таких ее сферах, как информационно-пропагандистская, социально-нормативная, педагогическая и политическая.

«Идеология убийц Анвара Садата была сформулирована Абд-ас-Салямом Фараджем, духовным руководителем «Танзим аль-джихад»⁴...

...чтобы создать подлинно исламское государство, необходимо объявить джихад долгом каждого дееспособного мусульманина (фард айн). Каждый мусульманин обязан бороться за возвращение халифата, – полагал Фарадж. – И каждый, кто этого не делает, не умирает как мусульманин»⁵.

Мечта о восстановлении политического халифата стала для него абсолютной целью, оправдывающей любое насилие. Обоснование убийству президента Египта он нашел в тексте фетвы Ибн-Таймийи, в которой на самом деле содержится противоположное – апология ненасилия. Однако с 1909 г. в печатных изданиях этой фетвы были подменены два слова: вместо призыва к уважению прав немусульман вставлен призыв к сражению с ними, что и ввело в заблуждение многих, включая Фараджа. Фарадж, руководствуясь псевдофетвой Ибн-Таймийи, по сути, объявил всем, кто не признает фардом ислама обязательный военный джихад ради реконструкции халифата в его новаторском понимании, сформировавшемся в личном мировосприятии Фараджа.

Социальные причины устремления современных религиозных фундаменталистов в политику в том, что у корпораций служителей культа мало шансов занять господствующее положение в обществе за счет только религиозных средств, без применения государственного принуждения, и поэтому у них нередко возникает желание реконструировать прошлое вопреки существующим законам. Самым распространенным религиозно-политическим диспозитивом в истории был и остается режим теократии, под видом которого, как правило, скрывается иерократия – высшая степень клерикализма. Поэтому имитация теократии, говоря современным языком – симулякр теократии – и выступает у религиозно мотивированных экстремистов главной идеологической опорой. Имитация теократии в целях установления «земного

⁴ Фарадж – автор книги «Аль-фарида аль-гайба» («Забытое религиозное предписание»). Член «Танзим аль-Джихад» – террористической группы, организовавшей убийство Анвара Садата – запрещена в РФ в 2003 г.

⁵ Цит по: Армстронг К. Поля крови: Религия и история насилия. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

рая» для клерикальной корпорации безответственна и перед мусульманами, и перед всеми народами – все можно списать якобы на «волю Аллаха».

Политический ислам активно использует неофитство. Распространенная ловушка для неофитов – это подмена обращения в религию, подмена ислама как личной живой связи с Аллахом обращением в политический диспозитив тотальной войны с врагами антропоморфно представляемого Бога, с иноверцами, с «обидчиками ислама и мусульман», то есть, «джихада против неверных».

«Изучая исполнителей теракта 11 сентября и тех, кто с ними тесно работал (500 человек), психиатр-криминалист выяснил, что лишь у 25% из них было традиционное исламское воспитание: две трети склонялись к секуляризму, пока не познакомились с «Аль-Каидой»⁶: остальные были новообращенными»⁷.

Неофитство представляется самым слабым звеном в религиозной практике ислама, причем речь идет не только о состоянии прихода в ислам из какой-то другой религии или из агностицизма, но и об аналогичном состоянии «этнических мусульман», родители которых не следовали религиозным традициям и не учили им детей.

В качестве образов для подражания религиозно-политический диспозитив на исламской основе предлагает сакрализованные образы героических воинов прошлого, которые своим примером показали будто бы единственный способ покорности Богу – убийство Его «земных врагов». «В диспозитиве джихадистов саляфы, легендарные сподвижники Пророка и их первые последователи предстают... как бойцы, героические воины ислама. Обращенные отождествляют себя с ними, берут их имена в качестве боевых прозвищ и стремятся во всем им подражать – жить, убивать и умирать, как они»⁸.

Механизм деполитизации (и соответственно – дерадикализации) религиозного сообщества заключается в разоблачении подмены религиозных ценностей политическими, в теологическом и психологическом обесценивании квази-государственной утопии, в психотерапевтической работе, приводящей клиента к осознанию своих комплексов и травм, приведших его комплексу духовного самовозвеличивания и социального превосходства. Например, Центр изменения сознания создан в Саудовской Аравии под крышей МВД королевства, там работают вместе теологи и психологи, и большое значение имеет работа психологов с семьями экстремистов.

⁶ Запрещена в России.

⁷ Армстронг К. Поля крови. https://4italka.su/nauka_obrazovanie/istoriya/430936/fulltext.htm.

⁸ Рогозинский Ж. Джихадизм: назад к жертвоприношениям. М.: НЛЮ, 2021. <https://iknigi.net/avtor-zhakob-rogozinskiy/215159-dzhihadizm-nazad-k-zhertvoprinosheniyam-zhakob-rogozinskiy/read/page-3.html>.

К ПРОБЛЕМЕ СРЕДСТВ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К УЧАСТИЮ В ДЕСТРУКТИВНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Религиозная радикализация является настоящим вызовом для современного общества. Связанная с ней проблема вовлечения подростков в религиозно мотивированные экстремистские группы является крайне актуальной: детальное изучение требуют условия, причины и факторы подверженности их информационно-психологическому воздействию.

Возрастно-психологические особенности подросткового возраста как условие успешности манипулятивного воздействия. Исследователи отмечают, что вербовщики в экстремистские сообщества опираются на следующие особенности подросткового периода, влияющие на сензитивность к информационно-психологическому воздействию: наличие акцентуаций определенного характера, возрастные кризисные периоды, остро переживаемое чувство одиночества, наличие интернет-зависимости, низкая или высокая самооценка; нарушение взаимоотношений в семье; низкий самоконтроль, агрессия и конфликтность как механизмы снятия внутреннего напряжения, становление мировоззрения, отсутствие сформированной системы ценностных ориентаций, повышенная возбудимость и эмоциональная несдержанность, конформизм как способ объединения со сверстниками; переживание «феноменов эгоцентризма», становление идентичности, значимость социализации.

Подростки добровольно присоединяются к различным молодежным движениям из-за иллюзии защищенности, понимания, поддержки и включенности в сообщество. Однако деструктивные молодежные движения обладают имитационной сущностью, подменяя удовлетворение одних психологических потребностей подростков другими: вместо удовлетворения запроса на нахождение и поддержание индивидуальности предлагается эпатирующая форма самовыражения, вместо авторитетного взрослого, доверительного собеседника и друга – лидер и группа, вместо выделения – растворение в толпе в результате подражания. Важно отметить, что объединяет подростков часто не сознательное единство, а чувство одиночества, характерное для этого возрастного периода.

Комплекс факторов подверженности человека информационно-психологическому влиянию со стороны деструктивных сообществ. Ранее нами были описаны и систематизированы факторы, определяющие подверженность человека информационно-психологическому воздействию: социально-демографические, средовые и психологические (ситуационные, личностные, когнитивные)¹. В модели радикализации Т. Прехта первая стадия – «Пре-радикализация» (*Pre-radicalization*) – представлена ситуационными факторами риска. Это психические состояния (чувства одиночества, вины, страха, стыда, депрессия), переживание дискриминации и ее последствий, социального отчуждения, неравенства, травматичный личный опыт, специфика условий жизни, которые делают подростка уязвимым, повышая вероятность, но не предсказывая подверженность радикализации напрямую. На второй и третьей стадиях радикализации – «Переговоры и идентификация» (*Conversation and identification*), «Убеждение и индоктринация» (*Conviction and indoctrination*) – осуществляется внедрение идеологии и формирование убеждений².

Можно выделить основные направления комплексной оценки личностных факторов подверженности человека индоктринационному воздействию:

1. Выявление деструктивного потенциала: склонность к девиантному поведению (гетероагрессивному, аутоагрессивному, делинквентному, аддиктивному).

2. Анализ мотивационно-потребностной сферы: неудовлетворенность потребностей.

3. Исследование ценностно-смысловых ориентаций: отношение к традиционным ценностям, выявление несформированной гражданской позиции и ценностей, отказ от общепринятых в обществе социально-правовых норм, определение выраженных идеологических установок.

4. Исследование самоотношения: неприятие себя, неадекватная самооценка.

5. Оценка диспозициональных предпосылок: подверженность авторитету, склонность к подчинению, внушаемость, конформность, черты «темной триады» (психопатия, нарциссизм, макиавеллизм), акцентуации характера, личностная беспомощность, низкая толерантность к неопределенности, отсутствие способности к эмпатии.

¹ Романцова В. К. Когнитивные характеристики личности в комплексе факторов ее подверженности индоктринации // Психология одаренности и творчества : Сборник научных трудов IV Международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 15 ноября 2022 года. М.: Известия института педагогики и психологии образования, 2022. С. 35–43.

² Precht T. Homegrown Terrorism and Islamist Radicalisation in Europe: From Conversion to Terrorism: An Assessment of the Factors Influence Violent Islamist Extremism and Suggestions for Counter Radicalisation Measures. Danish Ministry of Justice. 2007.

6. Диагностика социально-психологической адаптации, межличностных отношений: общая социальная дезадаптация, конфликтность, отчуждение от социально благополучного коллектива.

7. Выявление психических состояний: чувство одиночества, депрессия, тревога.

Гипотетическими факторами подверженности человека индоктринации могут выступать структурные, процессуальные и стилистические аспекты познавательной сферы: когнитивная ригидность, полезависимость\полнезависимость, уровень развития понятийного мышления, низкий уровень интеллектуальной скромности, потребность в когнитивной завершенности.

Таким образом, оценивая потенциальную склонность подростков к участию в деструктивных сообществах, необходимо рассматривать факторы, которые делают его уязвимым и подверженным индоктринационному воздействию как некую систему. При этом общая диагностика психологических особенностей подростков в учебном заведении должна носить комплексный характер (социально-психологический, социально-педагогический и медицинский). Поэтому средствами оценки помимо стандартизированных психодиагностических методик должны также выступать методы беседы, опроса (анкетирование, интервью) обучающихся, педагогов и родителей, а также наблюдение и экспертные оценки.

МЕТОДЫ ИСЛАМСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПРОФИЛАКТИКЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исламская педагогика имеет многовековую историю и обширное гуманистическое наследие, представляющее большую практическую ценность не только для развития религиозного образования, но и методов профилактики радикализации мусульманской молодежи, наиболее восприимчивой к системам и методам, соответствующим культурным традициям ислама и особенностям мировосприятия его представителей. Подчеркнем: цель познания в исламской образовательной системе – формирование добропорядочной личности. С понятием цели познания, согласно принятой в исламской педагогике терминологии, идентифицируется «адаб», что в переводе с арабского означает высокую нравственность, хорошее воспитание, доброжелательность, деликатное обхождение с окружающими, скромность, стыдливость¹. Достижение этой цели подразумевает одновременное с классическими методами религиозной педагогики используемыми, например, для обучения чтению Корана по правилам таджвида, применение методов, которые, в современных классификациях, называют активными, т. е. основанными на взаимодействии педагогов и обучающихся. Как показал проведенный нами анализ активных методов обучения, традиционно используемых в учебно-воспитательной работе мусульманских образовательных организаций, их общая цель – это интериоризация ценностей религиозной морали². Под интериоризацией в современной психологии понимается формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом. Другими словами, активные методы обучения традиционно применялись с целью формирования мировоззренческих ценностей, моделей социального мышления и поведения, соответствующих нормам исламской морали. Это осуществлялось посредством постановки и решения ряда важнейших педагогических задач, в их числе: развитие активной нравствен-

¹ *Хабибуллина Г. Ю.* Педагогическая система образования в исламе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 31–35.

² *Седых Н. С.* Методы исламской педагогики в духовно-нравственном воспитании молодежи и профилактике экстремизма// Духовный мир мусульманских народов. Материалы Международной научно-практической конференции, XVI Акмуллинские чтения. 2021. С. 55–58.

ной позиции, логического и критического мышления, ораторского мастерства, умения вести диалог, аргументировать свою точку зрения, убеждать. Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время решение этих задач весьма актуально в целях профилактики радикализации мусульманской молодежи. Уточним: радикализация – это процесс изменения социальных установок, ведущих к одобрению и, в конечном итоге, к применению нелегального насилия в политических целях. Агенты радикализации – это обладающие потенциалом влияния на других людей личности или социальные группы, участвующие в конструировании и поддержании контр-определения (идеологический проект) социальной реальности. Их влияние выражается в изменении мотивационно-смысловой, эмоциональной и поведенческой сфер. Как показывают современные исследования, наиболее чувствительными к такого рода агентам оказываются молодые люди, переживающие состояние фрустрации, сопровождающееся ослаблением самоконтроля, рационального и критического мышления. Причиной возникновения данного состояния является неудовлетворенная потребность или дефицитный ресурс. В современном обществе это может быть как материальная обеспеченность, так и потребность социального плана, например, чувство общности, принадлежности в противовес избыточному чувству одиночества и беспомощности³. Однако, если ценности религиозной морали для молодого человека не просто ситуативно декларируемые лозунги, а реальная основа его мировоззрения, миропонимания, и этими ценностями он действительно руководствуется в повседневной жизни, тогда у него формируется своеобразный иммунитет к влияниям агентов радикализации. В таком случае, даже столкнувшись с трудностями и переживая фрустрацию, он станет искать в религии опору для конструктивного совладания, а не способ солидаризации с деструктивной группой. Именно поэтому сегодня необходимо системное применение активных методов обучения и воспитания в мусульманских образовательных организациях разного уровня, а также их широкое использование при работе с мусульманской молодежью в мечетях, НКО, общественных объединениях.

Итак, назовем методы активного обучения, традиционно применяемые в мусульманских образовательных организациях в целях влияния на формирование духовно-нравственной сферы личности обучающихся. К ним относятся: методы эвристического обучения, применяемыми, в том числе для развития коммуникативных навыков, например, это моназара – интеллектуальные состязания между учениками (зачастую соседних медресе), которые

³ Патеев Р. Ф., Мухаметзарипов И. А., Насибуллов К. И., Шерстобоев В. В. Среда радикализации: профилактика, взаимодействие и организация работы. Учебно-методический материал. Казань: Академия наук РТ, 2022.

устроивали учителя в форме диспута. Однако среди активных методов обучения, традиционных для мусульманских образовательных организаций, центральное место принадлежит наставничеству. Именно активным методом обучения, получившим в дальнейшем название – наставничество, пользовался первый учитель мусульман Пророк Мухаммад. Знания он передавал в устной форме, также впоследствии поступали его сподвижники и ученики. Следует отметить, что наставничество как метод обучения, передачи опыта является самым древним, и, вместе с тем, как признано сегодня международными экспертами в области образования, наиболее результативным. В то же время метод наставничества, применяемый в разных современных вариациях и модификациях, показал свою эффективность как в России, так и за рубежом при работе с молодыми людьми, имеющими радикальные взгляды и установки.

Однако, как справедливо отмечает современный ученый Г. Ю. Хабибуллина, в настоящее время необходимо расширять спектр применения активных методов обучения и внедрять инновационные методы, соответствующие традициям и целям исламского образования. В этой связи она обоснованно выделяет кейс-стади и проектное обучение⁴. Вместе с тем, как показывает педагогический опыт автора данных тезисов и исследовательские выводы, сделанные по результатам включенного наблюдения, к числу таковых методов также следует отнести квест как форму интерактивной игры, в ходе которой решаются познавательные и воспитательные задачи. Отметим, что квест является одной из перспективных современных модификаций методов эвристического обучения. Наряду с квестом перспективным является педагогический сторитейлинг как метод, основанный на рассказывании интересных, познавательных историй, с помощью которых осуществляется передача социального опыта и знаний, эмоций и впечатлений. Причем методом, сегодня названным сторитейлинг, активно пользовались во все времена имамы, проповедуя и рассказывая истории о жизни пророков, исламских ученых, видных общественных и религиозных деятелей. Поэтому познавательные истории, рассказанные в современном образовательном и цифровом пространстве, оказываются наиболее близки мусульманской молодежи. Это, в частности, подтверждают отзывы о прошедшем одновременно в онлайн и офлайн режиме интерактивном мероприятии «Мусульмане на защите Отечества: от истории к современности» (2023 г.)⁵.

⁴ Хабибуллина Г. Ю. Педагогическая система образования в исламе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 3 (42). С. 31–35.

⁵ Мусульмане на защите Отечества. // https://www.youtube.com/watch?v=-8ed4s8__Os&feature=youtu.be (дата обращения: 02.05.2023).

Таким образом, комплексное и квалифицированное применение описанных методов в системе исламского образования и воспитания, в том числе в рамках решения актуальных задач по профилактике экстремизма и терроризма, позволит нивелировать риски радикализации мусульманской молодежи. Применение данных методов требует креативных решений при разработке конкретных мер и мероприятий, а также учета особенностей социального мышления и мировоззрения верующих.

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССАХ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)*

На Северном Кавказе в последние годы происходит усиление активности религиозных радикальных групп и инициатив. В научной среде уже не один год обсуждается проблема дерадикализации и некоторые практические шаги были сделаны.

Снижение террористической активности было достигнуто (преимущественно силовым методом). Представители радикальных групп покинули страну по разным причинам (из-за уголовного преследования, мечтаний о «Халифате» и т.д.), частично они затаились внутри страны, но не изменились. Поэтому вопрос сохраняет свою актуальность. И внутри страны, и особенно за ее пределами они проявляют общественно политическую активность и религиозную активность, которая пагубно влияет на молодежь. Речь идет даже только о политических взглядах и призывах, о насильственном экстремизме для достижения политических целей, а о вопросе управления молодежью посредством распространения радикальной идеологии, которая своими поступками нарушает традиции и глубинные цели ислама и гуманизма.

Учитывая повышение числа террористических актов, призывов к ненависти и преступлениям, произошедшим в последний год, настало время вновь задуматься о программах и проектах по дерадикализации. По этой теме писал круг ученых внутри страны, но проблематика не получила отклика среди широких масс. Реальность показала, что одна из самых эффективных стратегий – использование мягкой адаптации как важной части программ по дерадикализации, включающих в себя социальную реабилитацию и реинтеграцию. Почти все программы дерадикализации включают психологическое консультирование, идеологические дебаты, поддержку семьи, восстановительное правосудие и профессиональное обучение участников. Так как мы говорим о дерадикализации, то важную роль могло бы сыграть гражданское общество, участие которого прописано в программах по дерадикализации.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект» № 22-28-00484, <https://rscf.ru/project/22-28-00484/>.

Мы проанализировали возможности НКО и активистов по работе с радикализованными группами. Основной нашей целевой группой были женщины (и родственницы) из семей, в которых были активные сторонники радикальной идеологии. Исследование проводилось при поддержке гранта Российского научного фонда «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект». В Дагестане реализуется проект при поддержке Минтруда РД «Возвращение в мирную жизнь: реабилитация и социализация детей из семей членов незаконных вооруженных формирований». Данный проект возник как итог исследовательской работы¹ и интервью с членами семей участников НВФ и ИГИЛ (запрещенная террористическая организация). Анализ работы активистов и интервью с группой показали, что наиболее эффективными направлениями являются: 1) адресная и социальная работа (коммуникации, интерес к потребностям группы и их проблемам, оказание помощи, стирание границ и т.д.); 2) психологическая (работа с группой, оказание психологической помощи). Данные два направления носят адресный характер и считаются наиболее полезными со стороны целевой группы; 3) исследовательская (изучение группы, выработка рекомендаций, программ, повышения эффективности программ и дерадикализации)². Основное достижение практических результатов связано с работой психолога, способного найти подход к детям, преодолеть границы посредством личного участия, заботы и желания помочь. В то же время существуют и проблемы, затрудняющие работы, связанные с самим гражданским обществом. Например, отсутствие интереса и консолидации, бюрократический и формальный подход. Часто картинка для прессы и реальность различаются. Целевая группа (те, с кем должна проводиться работа) чувствуют, что нет искреннего желания им помочь и дистанцируются. Гражданское общество – это сосредоточение многих инициатив. Гражданское общество в борьбе за ресурсы стремится к демонстрации своей работы за счет целевой аудитории, масштабности. Фонды со словами что «мы не можем помочь, потому что тогда и другие у нас начнут просить помощь» отказывают семьям по вопросам, которые имеют более глубинное значение, чем разовые продуктовые наборы (помощь в изучении языка, образовании, подготовке к школе). Отсюда и проблемы с решением данной проблемы. Существуют отдельные инициативы, но отсутствует системная работа и консолидированность, что требует пересмотра программ.

¹ Саид Ниналалов. «Ислам – это одно, а идеология джихадизма – другое» //РИА Дагестан. 28.11.2021. https://riadagestan.ru/news/mirnyy_dagestan/said_ninalalov_islam_eto_odno_a_ideologiya_dzhikhadizma_drugoe/.

² Мутиева О.С., Сиражудинова С.В., Идрисов Р.Ж. Женщины и религиозная активность на Северном Кавказе (в контексте истории развития проблемы радикализма) // Вопросы истории. 2023. № 4 (1). С. 62–69.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОГРАММ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ДЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННОГО ЭКСТРЕМИЗМА И НАСИЛИЯ

Доклад посвящен условиям и возможностям деконструкции – разрушения мотивированности, притягательности радикальных идеологий, прежде всего связанных с религиозными ценностями и идеалами. В этом контексте рассматривается идеологическая компонента программ дерадикализации как инструмента устойчивой и эффективной реабилитации приверженцев и жертв радикальных идеологий.

1. Вначале надо обратить внимание на идеологические рамки – идейные приоритеты и ориентиры программ дерадикализации. В широком идейном – мировоззренческом смысле под дерадикализацией надо понимать мотив и процесс отказа от ценностей, установок, убеждений радикального и экстремистского толка, говоря проще, изменение образа мыслей и взглядов последователей радикальных идей. Важно и необходимо учитывать широкое распространение в современном мире установок, ценностей, принципов совершения противоправных действий по мотивам религиозной, расовой, национальной и прочих форм социальной неприязни, прямых призывов к совершению таких действий. Идеологизации мотивов и установок радикализма и экстремизма в большой степени способствует использование возможностей Интернета и медиа-технологий. Можно говорить о ширящемся распространении в современном мире экстремистской, террористической пропаганды и мобилизации масс радикальными группами и движениями

2. Наряду с подчеркнутой, нормативной криминализацией противоправных действий, совершаемых радикалами и экстремистами, программы дерадикализации сегодня включают в себя направление деконструкции идейной мотивации лиц, осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности. Важное практическое значение это направление приобретает в программах религиозной реабилитации радикалов и раскаявшихся экстремистов, В качестве основного мотива вовлечения в экстремистские и террористические группы при этом обычно рассматривается религиозно-политический мотив экстремистской деятельности, обусловленный низким уровнем религиозного образования, непониманием ис-

тинных религиозных ценностей, расколами и конфликтами внутри сложных конфессиональных сообществ, религиозной дискриминацией и пр. В качестве главных, первостепенных по своей важности способов деконструкции радикальных, экстремистских идеологий разрушения идейных стереотипов радикализма и экстремизма в таком случае часто выдвигаются просветительские, образовательно-педагогические формы, технологии работы с реабилитируемыми приверженцами и жертвами радикальных идей, например, разъяснения положений «истинного» и «правильного» ислама, разоблачение предрассудков относительно связей между «правильной» верой и экстремистскими действиями.

3. Однако эффективность подобных форм деидеологизации религиозного радикализма и экстремизма остается дискуссионной уже в силу того, что пока отсутствуют широкие и систематизированные базы данных о влиянии программ религиозной реабилитации на уровень и динамику террористической активности в различных странах и регионах мира. Следует также учитывать, что методики идейной дерадикализации бывших участников и сторонников какой-то одной экстремистской группировки далеко не всегда могут быть использованы для работы с представителями других группировок по причине доктринальных различий их убеждений, а иногда и идейного противостояния друг другу. Также необходимо иметь в виду, что как особое направление деконструкции радикальных идеологий религиозная реабилитация возможна, по большому счету, только по отношению к активным сторонникам и проводникам этих идеологий, тогда как пассивные радикалы, члены семей и близкие люди экстремистов могут и не иметь аналогичной устойчивой идейной мотивации.

4. Рассматривая наличные условия и возможности деконструкции радикальных идеологий, надо обязательно учитывать – в теории и на практике – тесную связь идеологических аспектов дерадикализации с их конкретным социальным и психологическим наполнением. Внимательное изучение идейно-пропагандистских нарративов, распространяемых религиозными экстремистами, в частности группировкой ИГИЛ (запрещена в России) показывает, что в идейных установках и призывах этой пропаганды эмоциональных мотивов и оценок, как правило, больше, чем рациональных соображений и аргументов. Исследователи обращают внимание на то, что в практике исламского радикализма-онлайн доминируют аффективные призывы о помощи угнетенным мусульманам. В качестве способа продвижения идеологических ценностей радикальных движений и воинствующего экстремизма широко представлен психологический прием формирования и внедрения в массовое сознание образов непреклонного, самоотверженного героя, который прихо-

дит на помощь слабым единоверцам, спасает их от несправедливости современного «греховного» мира. Отмечен характерный факт: вербовочная кампания проводившаяся исламистской террористической организацией «Джебхат ан-Нусра» («Фронт помощи») во время гражданской войны в Сирии в 2012–2013 гг., опиралась в своей идейной аргументации на подчеркнуто эмоционально-гуманистический подход, призывая к защите брошенных на произвол судьбы несчастных женщин и детей. Вербовочная кампания ИГИЛ в большой степени фокусировалась на обещании создания уже в скором времени глобального «исламского государства», способного противостоять мировому злу.

5. Исходя из опыта изучения ментального (психологического) контекста современных радикальных идеологий – восприятия, воображения, чувств, желаний и т. д., используемого и специально выстраиваемого экстремистами, необходимо сделать вывод о комплексном, многостороннем характере задач и направлений изменения убеждений радикалов в ходе осуществления реабилитационных программ. Дерадикализация религиозно мотивированных экстремистов не может сводиться к их духовному, религиозному перевоспитанию – возвращению «строителей» всемирного халифата к «правильному», «истинному» исламу. Теория и практика деконструкции радикальных идеологий должна учитывать комбинаторику собственно идейных и связанных с ними эмоциональных, аффективных аспектов радикализма, ослаблять и разрушать связи этих компонентов, представляя радикальные идеологии как «охоту» на сознание и мышление людей. На уровне более общих – концептуальных – определений можно представить эффективную и устойчивую деконструкцию радикальных идеологий как когнитивно-ментальную перестройку лежащих в их основе убеждений и установок, способную привести, возможно, не сразу и не в полном объеме, к снижению и преодолению заключенных в этих идеологиях угроз экстремизма.

6. В этом контексте, как на представляется, на первый план выдвигается задача разработки интегральных стратегий и программ дерадикализации, направленных на преодоление идейной убежденности религиозно мотивированных экстремистов в многокомпонентности социальных и психологических предпосылок этих убеждений.

Борьбе с радикализмом и экстремизмом – широкие горизонты!

При подготовке доклада использовались работы Л.А. Андреевой, А.Н. Бороздина, Е.И. Дорошенко, Е.М. Мирошниковой, А. Рустама (Таджикистан), М.Ю. Смирнова.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Процесс дерадикализации определенных социальных групп и этнических общностей практически невозможен без рассмотрения и анализа ряда факторов, которые и явились детерминантами разных социальных девиаций.

К одной из таких форм социальной девиации и относится процесс радикализации молодежных сообществ, которые в качестве идеологического обоснования своих взглядов используют религиозные тексты и ценности.

Этот процесс всегда ускоряется и обостряется в период смены парадигмы социально-экономического развития и демонтажа прежней идеологической базы. Указанные процессы провоцируют деструктивные настроения у представителей старшего поколения, чья миссия оказалась ошибочной и нереализованной, а духовно-нравственные ценности девальвированы. Социальная активность этих поколенческих групп, как правило, не проявляется в использовании экстремистских способов реализации своих идеологических установок. Безусловно и то, что в этом случае происходит и формирование молодежных субкультур, склонных к бескомпромиссности в поиске решений как поколенческих, так и межпоколенческих проблем.

По мнению Р. Инглхарта, ценности и поведение человека во многом обусловлены тем, в какой степени его выживание гарантировано¹. Данные Федеральной службы государственной статистики (29.11.2022)² о структуре денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2021 г., позволяют судить о том, насколько доходы населения зависят от оплаты труда и очень мала величина доходов от предпринимательской и иной производственной деятельности. По Российской Федерации это составляло соответственно 57,3 % и 5,5 %. Отсюда и определенная тревожность в прогнозировании траектории своего будущего у молодежи. Все это не может не влиять на процессы радикализации методов восстановления социальной справедливости,

¹ Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет этот мир. М.: Мысль, 2018. С.19.

² Структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2021 год.

https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmedia%2Fbank%2F1-1-2_2021.docx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 02.03.2023).

как следствие неравномерности социально-экономического развития по регионам РФ.

Определенный когнитивный диссонанс в социальное пространство, вносит и смена технологических укладов, явившихся результатом промышленных революций. Темпы технологического прогресса опережают скорость социальной трансформации в различных социальных гендерно-возрастных группах. Происходят существенные межпоколенческие изменения культуры и мировосприятия. Национально-административные образования в составе Российской Федерации, имеющие статус субъектов федерации, отличаются определенной архаичной устойчивостью и попытками устоять перед модернизацией не только экономического пространства. Культурное наследие и коллективная историческая этническая память более устойчивы к воздействию внешних деформирующих факторов. «Внимания требуют не только технологии. Людям тоже нужно ответственное развитие»³. «Такая быстрая смена базовых норм общества создает поляризацию между теми, кто придерживается традиционных мировоззрений, и теми, кто разделяет современные мировоззрения, вызывая сильный политический конфликт»⁴.

Вакуум в общественном сознании, образовавшийся после развала социалистической системы, заполняется в последние десятилетия религиозностью и национализмом. Происходит архаизация общественного пространства, снижение уровня экономической и физической безопасности компенсируется ростом уровня религиозности в обществе.

³ Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. С. 56

⁴ Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 15.

Тлий А. А.,

руководитель аппарата антитеррористической комиссии в Республике Адыгея, преп. кафедры административного и уголовного права Майкопского государственного технологического университета

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННЫХ ЛИЦ

В современной государственной антитеррористической повестке, также как в академическом и экспертном сообществе, все более актуализируется проблематика дерадикализации. В «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 годы» указаны ключевые направления деятельности органов исполнительной власти, образовательных организаций и институтов гражданского общества.

Добиться поставленной задачи можно на основе эффективного государственно-конфессионального диалога, нацеленного на своевременное выявление и устранение причин и условий, способствующих радикализации.

Одновременно отсутствие системной работы на данном направлении, обусловленное формальным подходом, либо непрофессионализмом ответственных лиц, влечет за собой возникновение предпосылок к дестабилизации ситуации в этноконфессиональной сфере.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть ситуацию, когда в сентябре 2013 г. Октябрьский районный суд г. Новороссийска Краснодарского края по иску Новороссийского транспортного прокурора признал экстремистским книжное издание «Смысловой перевод священного Корана» на русский язык/перевод с арабского Э.Р. Кулиева

Ожидаемой реакцией на судебный вердикт стала эскалация напряженности в этноконфессиональной сфере. Представители мусульманской уммы заявляли, что вышеуказанное решение создает прецедент и ставит, по сути, вопрос о запрете в будущем других переводов Корана и, как следствие, запрета ислама на территории Российской Федерации, так как Коран является канонической основой религии ислам.

Определенную озабоченность вызвало возникновение указанного прецедента в регионе проведения Зимней Олимпиады в Сочи, в канун подготовки к играм, так как это могло быть использовано для дискредитации и срыва Олимпийских игр, проводимых в нашей стране.

Председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин заявил, что «в обстановке, когда Россия набирает авторитет в мусульманском мире и успешно реализует внешнеполитическую стратегию на Ближнем Востоке, районный суд от имени Российской Федерации выносит полуграмотное и откровенно провокационное решение, которое противоречит действиям нашей страны, направленным на укрепления своего положения в исламском мире».

По оценке респондентов из мусульманской общины, данное судебное решение вынесено фактически в интересах религиозно-экстремистских кругов, которыми сразу стал продвигаться тезис о дискриминации мусульман и попытке запрета исламского вероисповедания через запрет Корана. Членами бандподполья предпринимались попытки по использованию данного факта в качестве аргумента для активизации вербовочной работы в среде религиозной молодежи и ее вовлечения в террористическую деятельность. Бывший лидер запрещенной в РФ организации «Имарат Кавказ» Доку Умаров заявил, что «теперь ни у кого из мусульман не должно быть сомнений в необходимости джихада», имея ввиду вооруженную борьбу.

Кроме того, приверженцы религиозного радикализма использовали данные обстоятельства в качестве пропагандистского инструмента для внесения раскола в среду сторонников традиционного ислама и дискредитации официального мусульманского духовенства, взаимодействующего с органами государственной власти.

Как показывает практика, подобные прецеденты, способные сыграть роль катализатора межнациональных и межрелигиозных конфликтов, усилиями заинтересованных структур и лиц выводятся за правовые рамки и актуализируются в политическом пространстве. Происходит наполнение данной проблемы соответствующим идеологическим содержанием, используемым в качестве инструмента воздействия на этнополитическую ситуацию. С учетом этого, тематика «религиозной дискриминации» и «преследования верующих» становится объектом внимания различных сил, берется под управление заинтересованными структурами, уделяющими значительное внимание ее содержательному наполнению для последующего использования в реализации антиконституционных и антироссийских целей.

Политизация данной проблемы по цепной реакции ведет к мобилизации мусульманской уммы на радикальной идеологической платформе, аккумулируя в себе значительный конфликтогенный потенциал.

В дальнейшем Краснодарский краевой суд удовлетворил апелляционную жалобу автора смыслового перевода Корана Э. Кулиева и отменил решение Октябрьского районного суда о признании издания экстремистским. Однако негативный резонанс, порожденный первоначальным решением, со-

здал предпосылки к деструктивным проявлениям в этноконфессиональной сфере.

На рассмотренном примере мы видим, как решение районного суда, характеризующееся формализмом и однобокостью, рассмотренное без привлечения соответствующих специалистов, ведет к всплеску протестных настроений и радикализации в мусульманском сообществе.

Таким образом, очевидна необходимость выработки комплексного подхода в решении задач государственно-конфессионального взаимодействия, исключающего формализм и сводящего к минимуму возможные риски. Обязательным условием эффективной работы, направленной на дерадикализацию отдельных групп и лиц, является высокий уровень профессиональной компетенции лиц, задействованных в данном процессе.

Уланова Н. С.,

к.психол.н., ст. науч. сотр.

Центра цивилизационных и региональных исследований

Институт Африки РАН

ОНТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ СУЖДЕНИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО РАДИКАЛИЗМА

В середине XX в. американский психолог Лоренц Кольберг заложил в своих работах основы когнитивно-эволюционной концепции морального развития. На основе анализа суждений реципиентов о составленных им нравственных дилеммах он построил онтогенетическую модель развития морального мышления. Ему удалось проследить, что в процессе развития происходит постепенное нарастание сложности рассуждений: ребенок переходит от ориентирования на награду и наказание к учету ожиданий и норм общества, а затем – формулированию внутренних принципов и представлений о совести.

Различные аспекты теории Кольберга подвергались критике и остаются дискуссионными до сих пор. Однако она остается единственной целостной моделью развития нравственных суждений, на основе которой можно строить научные и практические исследования в области изучения нравственных предпосылок социального поведения. Этот подход может стать еще одним ключом к анализу причин возникновения религиозного, идеологического и иных форм радикализма и поиску путей их предупреждения.

В свою модель развития морального мышления Л. Кольберг включил шесть стадий и объединил их в три уровня развития. Оригинальные и более поздние исследования, включая кросскультурные, позволили сделать вывод об универсальности данной периодизации для любой культуры. Представляется вероятным, что появляясь однажды онтогенетически, механизмы мышления могут быть использованы позже для мотивации определенных действий индивида, и составлять основу агитационной риторики.

На первом уровне – уровне предконвенциональной нравственности – суждения ребенка о том, что является верным, а что нет, основаны на авторитетных источниках, которые сильнее его. Ориентация происходит на внешние, а не на внутренние правила. Суждения строятся или на ориентации на наказание, или на ориентации на личную выгоду. В агитационном поле аргументы, соответствующие данной форме рассуждения, апеллируют

к угрозам физического наказания или поощрения за соблюдение тех или иных социально-нравственных норм. Реабилитация ориентирующихся на подобные аргументы лиц, вовлеченных в радикальную деятельность, будет строиться на снятии угроз физической расправы и обеспечении достойных условий жизнедеятельности.

На втором уровне конвенциональной морали человек переходит к суждениям, строящимся на правилах и нормах группы, к которой он принадлежит: семья, сверстники или нация. То, что нехорошо с точки зрения группы, на данном уровне морального развития будет плохо и с точки зрения человека, принадлежащего к этой группе. Очевидно, что руководствующиеся данными принципами радикалы причисляют себя к определенной группе лиц и ориентируются на мнение авторитетов, действия которых подчинены определенной цели. Предупреждение радикализации в данном контексте потребует создания социально приемлемых формальных и неформальных объединений, отвечающих запросу различных категорий граждан, особенно в подростковом возрасте. А также в поддержке авторитетов, не разделяющих экстремистских методов идеологической борьбы.

Третий уровень – уровень принципиальной или постконвенциональной морали связан с изменением авторитетного источника. Суждения на этом уровне строятся на основе собственных индивидуальных принципов, которые в тех или иных ситуациях соотносятся с общепринятыми правилами, или на признании их универсалистского общечеловеческого характера. На наш взгляд, профилактика радикализации в этом случае должна быть направлена на распространение принципов государственной политики, удовлетворяющих интересы значимых для данного общества религиозных и этических систем, избегая таким образом противопоставления их сложившейся общественной структуре. Это особенно актуально для мультикультурных и мультирелигиозных стран, где необходимо искать точки соприкосновения различных мировоззренческих систем в интересах развития каждого члена общества.

Харитонов Е. В.,

к.психол.н., доц., ст. науч. сотр.
Центра цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки РАН

**ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ
В МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ
(СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД).
ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ СИСТЕМЫ НА ПРИМЕРЕ
РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

К проблематике дерадикализации исламистов (а именно, «дерадикализации тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма») в настоящее время приковано внимание спецслужб и силовых структур, представителей гражданского общества, страдающего от насильственных действий радикальных исламистов, правозащитных организаций и волонтеров, а также ученых различных специальностей: религиоведов, теологов, социологов, культурных антропологов, психологов. Возможности социальной психологии также признаются рядом специалистов и используются в организации практической работы в рамках программ дерадикализации. Кроме того, ученые-социальные психологи предпринимают попытки научного теоретического осмысления данной проблематики и встраивания социально-психологических методик в процедуры и практики дерадикализации. Далеко не все возможности социально-психологической науки и социально-психологических технологий учтены и осмыслены учеными, имеющими дело с проблемой дерадикализации. Вследствие этого, необходимы поиск и рассмотрение подходов, релевантных проблеме дерадикализации религиозно-мотивированных экстремистов. Введение социально-психологических терминов, концепций и методических подходов в исследовательский контекст проблематики «дерадикализации» нам представляется целесообразным с точки зрения как общего понимания проблемы, так и с точки зрения повышения эффективности разрабатываемых в этой области методов и социальных технологий.

Из всего многообразия психологических подходов и концепций, которые могут составить научную теоретическую базу при создании практически-ориентированных программ дерадикализации, на данном этапе мы предлагаем рассмотреть «пирамиду логических уровней Роберта Дилтса». Данный инструмент, разработанный и предложенный одним из основателей нейро-лингвистического подхода и Университета НЛП, неоднократно подвер-

гался критике со стороны приверженцев классической психологии. В то же время, мы полагаем, что инструмент, который может, с одной стороны, служить объяснительным принципом при рассмотрении разноплановых проявлений радикализованного мировоззрения и поведения, помогает структурировать реальность, связанную с радикализацией, а с другой стороны, способен помочь в разработке конкретных методов работы в программах дерадикализации, безусловно, имеет право быть рассмотренным.

Практики, которые работают с логическими уровнями пирамиды Дилтса, дают ему высокую оценку и считают универсальной схемой, применимой для решения разнообразных задач психологического и социального характера¹.

«Пирамиду Дилтса» составляют следующие уровни:

А) Уровень социального окружения человека/группы и его/их реакции на это окружение;

Б) Уровень поведения: конкретные действия и поведенческие реакции человека/социальной группы – как это можно сделать?

В) Уровень способностей, возможностей, компетенций – как актуальных, так и потенциальных, т.е. как потенциал развития;

Г) Уровень ценностных ориентаций, направленности и мотивации;

Д) Уровень самоидентификации (профессиональной, религиозной, цивилизационной);

Е) Уровень миссии/предназначения. Уровень экзистенциальных смыслов.

На наш взгляд, данные уровни могут быть применены к рассмотрению ситуации как на уровне отдельной личности (персоны), так и на уровне различных социальных групп (включая радикализованные социальные группы).

К числу рассматриваемых проблем мы относим не только связанные с персонами и средой, причисляемым к радикализированным и/или потенциально радикализированным в будущем. В фокусе нашего внимания находится также вторая сторона конфликтного взаимодействия, которая обычно рассматривается как объект насильственного воздействия экстремистов, как пострадавшая сторона, «жертва» религиозно-мотивированных экстремистов. Но так ли однозначна эта ситуация? Мы остановимся на некоторых аспектах провокативных действий, которые осуществляются со стороны так называемого «принимающего сообщества» (например, акции с сжиганием Корана, карикатуры на Пророка Мухаммада редакции Шарли Эбдо, оправдание действий Шарли Эбдо впоследствии обезглавленным школьным учителем,

¹ «Пирамида потребностей» А.Маслоу тоже может считаться инструментом, релевантным задачам дерадикализации.

а также процессы стигматизации и связанные с ними социально-психологические процессы каузальной атрибуции), хотя далеко не только это может повышать потенциал конфликтности и способствовать радикализации/препятствовать дерадикализации. Особое внимание будет уделено проблематике рассмотрения вопроса радикализации с разных ракурсов рассмотрения.

В докладе рассмотрены вопросы, которые могут быть объяснены и в той или иной степени разрешены при помощи социально-психологических методов и подходов.

РОЛЬ СЕМЬИ В ПРОЦЕССАХ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННЫХ ЛИЦ НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ КОРАНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Радикализм как форма проявления воли, характеризуется такими качествами, как нетерпимость, поспешность, непринятие других мнений¹. Радикализм выполняет сигнальную функцию, указывая на степень неблагополучия в социальной среде, и его проявление имеет ситуационный характер в различных сферах жизни².

Семья как первичный социальный институт играет важную роль в формировании мировоззрения и ценностей, предупреждая радикализацию человека³. Для этого семья должна обладать ключевыми принципами и навыками, формирующими в человеке конструктивный подход в решении жизненных задач.

В исламе уделяется внимание формированию личности путем закладывания базы ценностей, веры и позитивного мышления. Божественный завет в Коране включает различные принципы, помогающие здоровому формированию человека⁴.

Принцип милосердия, помогающий чувствовать себя защищенным и поддержанным, становится одной из главных ценностей. Принцип ответственности, подразумевающий принятие личной ответственности за результаты своей работы и готовность отвечать за них. Принцип уважения, предполагающий признание и уважение прав и достоинства каждого человека, а также предполагающий то, что несогласие с мнением других не означает отказа от признания прав, уважения и хорошего отношения. Принцип аргументации, основанный на использовании логических доводов, фактов для подтверждения правильности своих взглядов. Принцип честности подразумевает идею внутренней саморегуляции, правдивое поведение к себе и другим, отказ от лжи, признание своих ошибок и ответственности. В случае, если побуждение к честности не находит отклика, то сдержанность и благонравие становится основным инструментом в достижении желаемых

¹ Немов Р.С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.

² Ольшинский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 171.

³ Мусиков И.С., Зуев Д.И., Кухарев Ю.С. Семья как субъект предупреждения экстремизма и терроризма // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции. Курск: Юго-западный государственный университет, 2020.

⁴ Коран, Сура Лукман [31:12–19]

результатов. Принцип диалога предполагает равноправное взаимодействие и доверительные отношения между людьми. Принцип решения проблем направлен на удовлетворение интересов всех участников и способствует улучшению коммуникации в обществе. Для вовлечения семей в процесс здорового укрепления общего социального состояния, нужно создавать программы, которые будут способствовать повышению уровня компетентности в вопросах воспитания, формирования ценностей, укрепления семейных отношений.

Семьи, члены которых уже подверглись негативному влиянию, также должны быть вовлечены в процесс реабилитации. Для этого нужно создать доверительные отношения и учитывать культурные и социальные особенности каждой семьи⁵.

Семья – лучшее поприще, где формируется психика человека, его ценности, взгляды, эмоции. Открытая и доверительная коммуникация – инструмент создания безопасной общественной среды, свободной от экстремистских идей и насилия. Необходимо активно развивать институт семьи и включать семьи в процессы борьбы с радикализацией.

⁵ Галиев И.Ш. О подходах АТК в РТ к организации работы по ресоциализации и дерадикализации участников террористических группировок // Девиантность VS экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации. Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», 2020.

СРЕДА РАДИКАЛИЗАЦИИ И РАДИКАЛЬНАЯ СРЕДА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Понимание комплексного характера предпосылок и факторов процесса, получившего название радикализации, чрезвычайно важно, так как, раскрывая пути радикализации, мы получаем и средства дерадикализации. Процесс этот обратимый и опирается на одни и те же социальные закономерности и социально-психологические эффекты.

Научной концепции радикализации уже около 20 лет. Ее принято связывать с изменениями в убеждениях, чувствах и поведении, то есть хорошо знакомыми в социальной психологии когнитивной, эмоциональной и практической составляющими социальной установки. Таким образом, радикализацию можно определить как процесс изменения социальных установок, ведущий к одобрению и, в конечном итоге, к применению нелегального насилия в политических целях.

Среда радикализации – это широкий социальный контекст, объективные обстоятельства или жизненная ситуация, в результате которой человек становится уязвимым и нуждается во внешней поддержке. Причем она содержит как источники негативных эффектов, так и ресурсы для их нейтрализации. Элементами такой среды могут быть члены семьи, ближайшее окружение, профессиональные связи, социально-демографический состав, социально-экономические, правовые, этнорелигиозные характеристики и конфликтный потенциал региона проживания и т.п. На субъективном уровне уязвимость связана с чувством фрустрации, которое проявляется в напряжении, чувствах тревоги, отчаяния, перерастающих в гнев, раздражение, готовность к агрессивным действиям, сопровождается ослаблением самоконтроля, рационального и критического мышления. Ощущение социального отчуждения играет ключевую роль в поддержке этих когнитивных брешей, делает нас более уязвимыми перед внешним воздействием.

Возникнув однажды с тем или иным набором источников негативных эффектов, среда радикализации задает направление поисков выхода из состояния фрустрации – потребность в групповой поддержке и идентичности. Главный вопрос – кто первым окажет эту групповую поддержку: специалисты, равнодушные сограждане, локальная умма или экстремистские акти-

висты. Это ключевой момент для организации профилактики радикализации и возможности оказать содействие индивиду, оставшемуся один на один со своими проблемами.

Агенты радикализации – обладающие потенциалом влияния на других людей личности или социальные группы, участвующие в конструировании и поддержании контр-определения (т.е. идеологического проекта) социальной реальности. Агент радикализации является интерпретатором социальной действительности и одновременно представляет собой абстрактное представление о социальной группе, включающее совокупность ценностей, установок, групповых ожиданий, на которые индивид ориентирует свое поведение. Успешность этого конструирования напрямую зависит от способности агентов сохранять свою значимость в рамках определенного сообщества – радикальной среды.

Радикальная среда – это часть общества, которая не вовлечена в вооруженные действия, но разделяет взгляды и цели экстремистов, одобряет нелегальное насилие, поддерживает вооруженную группу морально и/или материально. Агенты радикализации (идеологи, боевики, террористы) делятся с этой средой опытом, символами, нарративами и рамками интерпретаций, представлениями о коллективной идентичности и референтных группах, формулируя собственный идеологический дискурс и контрпредделения реальности. Таким образом, радикальная среда является физическим и виртуальным (коммуникативным) пространством ресоциализации и радикализации.

В целом планирование работы по дерадикализации и ресоциализации должно опираться на анализ структурных компонентов и факторов среды радикализации для каждого конкретного индивида, особенностей и характеристик радикальной среды в зависимости от типа и локальной конфигурации идеологических и социально-политических ориентаций, на карту сильных и слабых сторон агентов радикализации, их кадровый и ресурсный потенциал, каналы доступа к индивиду, его травмам и трагедиям.